КРАСНЫЙ ЖУРНАЛ для всех

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

…925 г. ИЮЛЬ № 7

ЛЕНИНГРАД

РАБОЧЕЕ ИЗДАТ-ВО «ПРИБОЙ»

КРАСНЫЙ
ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСЕХ
№ 7 четвертый год издания 1925

БОРИС СОЛОВЬЕВ.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ МОСТОВАЯ

Стали стекла еще голубей,
Ветер крутится, снег развевая...
Дум вечерних моих колыбель —
Ленинградская мостовая!

Мы знакомы не с этого дня,
Вдалеке нашей дружбы начало,
Точно мать — ты когда-то меня
На гранитных ладонях качала.

Что ж, родимая, что же, пропой,
Это вымолчать слишком трудно, —
Как твоею тяжелой тропой
Проходили мальчишества будни.

Вот как другу тебе говорю —
Да, изведал — и это бывало —
Прелых листьев больную зарю,
Серый сумрак сырого подвала.

Вот уходит в молчанье и тьму
Человеческий радостный гомон...
Кто же сможет сказать — почему
Те же камни звенят по другому.

Потому ли, что песню твою
Своевольную каждый запомнил,
Эту выучку я узнаю,
Этот выступ гранитный ладони?

Никогда диких ласк не забыть,
Никогда не простится обида,
Ты меня научила любить,
Научила меня ненавидеть.

Научила — за это тебе
Благодарнее, чем за другое —
В человеческой жесткой борьбе
Бить тяжелой, как камень, рукою.

Чтобы стало глазам голубей,
Чтоб улыбка была зоревая...
Дум вечерних моих колыбель —
Ленинградская мостовая!

БОРИС КОВЫНЕВ.

ГАРМОНИСТ

Ну и песни, песни что огонь;
И откуда в них такая сила:
Заблудилась в улице гармонь,
Под моим окошком голосила

О своих вишневых хуторах,
Заливаясь то звончей, то глуше.
От заката солнца до утра
Под окном выматывала душу.

Обожди, товарищ гармонист,
Перестань наяривать от грусти.
Воздух чист, и вечер чист,
И о грусти знаю наизусть я,

Как и ты, и твой вишневый край,
Неумытый я и необутый.
Так на зло, веселое сыграй.
Трепаками грусть мою распутай.

КРОВНЫЙ УЗЕЛ

Рассказ

БОРИСА ЛАВРЕНЕВА.

Рисунки худ. В. Сварога.

I

По лобастым пригревам чолпанов свиристели овражки, встав на задние лапки у своих норок, вытянув к небу острые мордочки, — предвещали июньский зной.

Вставало над широколонной степниной с зари меднокованное вязкое солнце, поливало красной лавой шуршащие пшеничные волны, сушило белые петли, пыльные узлы степных немерянных дорог, размашистые лога, зеленошерстные травы.

Жарок степной дух, крепкое медвяное веянье полыни и чобра - горечь и сладость.

Взять в руки полынные серебряно-серые былинки, потереть меж ладоней, прикоснуться губами и в горьком дыхании почуешь всю древнюю тугу земную, услышишь, сквозь века долетевший голубиный зов первородины.

Безоглядна степь. Ясную силу дает уму человечьему, острую меткость взору, крепкий загар щекам, сердцу — любовь.

Пышет степь в июньские полудни иссушающим маром, а в сухие желтозвездные ночи перемигиваются по закраинам неба перекличкой зарниц.

И в полночь кличет с курганов незнаемый клекот.

Клекочет вещим голосом поверх деревьев невиданная никем птица Див, велит слушать чужим землям: Волге и Поморью, Посулью и Сурожу, славному Корсуню и потонувшему в охряных водах идолу Тмутараканскому.

Кличет Див-птица к беде неминучей.

Жирная степная земля под топотом копыт содрогнется, будет засеяна костьми, полита кровью, — взойдет же печалью лютой по всей русской земле.

II

О двоих повесть.

А, может быть, и не о двоих, а о многих, о всех. О всех нас, что прошли в полынные эти годы неезжеными степными тропами, взяли от степи дары ее: ясную силу ума, меткость взора, полынный загар и медвяную горечь любви.

О нас, обо всех, что возлюбили ширококрылый размах ковыльных полей, ярый лет конского бега, скрип колесный в черные полночи, звон оружия, громы степных, очищающих гроз.

О нас, обо всех,—живых и помнящих,— и о мертвых, чьи тела стали пищей шумным травам, наземом для тучных хлебов.

О тех, что легли костями по набрежью синего Дона, на ковыльный колеблемый пух, смешав на жаркой земле в общем потоке свою живую кровь.

И даже степным коршунам, жадно приникшим к ней, измазавшим в алое

загнутые клювы, не разобрать было, — где чья.

Одна кровь человечья и нет в ней различия, когда уходит она из широко растворенных ран.

III

Когда лопнул под гулкими плетьми гаубиц, под грохотной опользью ступенчатых стальных черепах, трощивших тела, под звоном и свистом шашек,— шатнувшийся фронт, как лопается от удара топором туго натянутый последний канат, удерживающий корабль на стапеле перед спуском,—в широко растворившиеся дымные и гремящие ворота ринулась конная лавина синих, малиновых, белых фуражек и башлыков.

Несли они гибель, меч и огонь.

Смятенными ночами пылала округа рыжими космами зарев, грохотала кромешными рокотами взрывов.

В пламенных выплесках рушились вокзалы и водокачки, депо и мастерские, горели на путях тысячи краснобоких теплушек, завивались стальными локонами взорванные у скрещений стрелок рельсы.

Брошенными вьюками ложились в грязь и талый снег людские тела, глаголи виселиц протягивали в закурчавленные багровеющие дымы черные прямые ветки, и они гнулись под гроздьями длинных, недвижно висящих плодов.

А конные лавины с грохотом, посвистом, разгулом, озорной песней, трескотой тележной побежали небитыми дорогами на красноглавую Москву.

Скрипели колеса расползавшихся веерами обозов и пушек, как разлетные прощальные крики лебедей.

Где ступали копытами горбоносые донские кони — мертвая земля; вспять текли реки; в темном ужасе с'еживались полумертвые голодные города.

Яростными половецкими чамбулами летели отчаянные конники от Дона, от моря Тмутараканского к живой сердцевине страны.

О славе веков, о силе, о хищной мощи владык лепетали белые шелка знамен, увитых черно-оранжевыми лентами, увенчанных крестами.

Неслись конники через поля, через мосты, по горам и долам, сквозь леса и болота на пряничный город, где днем и ночью черные пальцы кузнецов ковали оружие для дерзнувших и восставших.

И над конными ордами, невидимая никем, ширяла черноперыми острыми крыльями когтящая Див-птица с двумя коронованными головами.

IV

Говоривший стоял посреди манежа, обводя вокруг упрямыми глазами, спрятанными за квадратными стеклами очков на квадратном лице.

Стекла поблескивали мертвым металлическим отсветом, и от этого человек сам казался выверенной машиной, точной и неумолимой.

В длинном зале резкий голос плескался ударами в стены, подымался к облупившемуся потолку и оттуда падал на головы тяжелыми кусками, как будто бросали сверху горстями круглые свинцовые пули.

За окнами серела в тумане городская неубранная плошадь, с полуразложившимся лошадиным трупом, плыли над крышами дымные волокнистые тучи и из них назойливо сочил жемчужный бусенец.

Серый строй курсантов замер цепью вокруг стен; человек в очках, стоя в середине манежа на пропахшей лошадиным запахом рыхлой земле, медленно совершал круговой оборот во время речи, поворачиваясь лицом к шеренгам и это еще больше завершало его сходство с машиной.

В дальние углы манежа слова падали обрывками.

«Итак... товарр... крсанты. Вы еще только на полдороге к тому, чтб... стать кррсн .. команди... Но момент треб... напряжения всех сил... Каждая шашка дорога... Пррtивни... озадачил нас тактикой партизан... рейдов. Но мы, революционеры, не можж.. теряться... Товр... Троцк.. бросил лозунг: „Пролетар... на коня!“ Мы вынужд... вас, уже получивш... знания, бросить на врага в первую очередь, пока под защитой ваш... ударр.. будут создаваться бес-

численные рабоч...: крест... эскадроны. Мы будем бить врага его же оружжж... Российск.. коммунистич... партия уверена в вас и ждет, что вы, дети трудов... народа, оправдаете полностью это доверие и нанесете белым орд... решительный пролетарский удар. Да здравствует детище Совет... Росс... красная конница! Да здравствует победа коммунистической революции во всем мире!..»

Человек сдвинул квадратные стекла на лоб и вытер вспотевший нос.

Войлочная полоса серых шинелей шатнулась и распахнувшимися кружками ртов бросила в потолок манежа грохнувшее залпом «ура».

С потолка в ответ шурхнула мелкая осыпь известковой пыли.

Маленький комок штукатурки скользнул по боку меховой шапки квадратнолицего человека. Он неторопливо поднял голову, вгляделся в оголенные обрешетины, провисавшие над манежем и, сказал совсем другим, простым, соболезнующим и усталым голосом:

— Как это вы рискуете здесь манежные ученья делать? Того и гляди весь потолок обвалится. Починить бы какнибудь.

Начальник школы седоусый, бывший кадровик, мрачно и равнодушно взглянул на потолок.

— Ни черта!.. Привыкли! На почин хупиша нет...

Сказал и вытянулся, взяв под козырек, потому что оркестр медноголосо лязгнул Интернационалом.

Выслушав гимн, квадратнолицый снова повернулся к начальнику училища.

— Можно будет распустить курсантов. Выступать послезавтра, так пусть ребятишки отдохнут, погуляют, простятся с родными.

Начальник училища молча козырнул и пошел, сопровождая гостя к выходу, раскачивающейся кавалерийской походкой.

V

Улыбка была только на девичьем тонком лице, в алом блеске губ, в уголках солнечно-желтых глаз, но Роману Руде показалось, что смеется и обвалившееся с одной стороны крыльцо и порванная холщевая вывеска с черной цепью букв «ГУБКОМ», и желтая стена в серовато-бурых пятнах плесени, и даже безнадежное небо, протянувшееся суровым и небеленым холстом.

Он дернулся вперед, завязил шпору в проломе досчатого тротуара, споткнулся, ткнулся руками в осклизлые доски и встал запыхавшийся, растерянный, красный, видя только одну улыбку, ставшую еще ярче, еще нестерпимей.

— Что с вами, Роман? Зачем вы тротуар клюете?

Роман затрепетал от веселого звона голоса.

— Товарищ Аня, то-есть Анна Николаевна, извините, товарищ Белоклинская, здравствуйте.

И сунул вдруг одеревеневшую, неповинующуюся руку.

Солнечно желтые зрачки сузились хохотом.

— Да вы посмотрите на свою руку... На ней фунт грязи! Давайте платок, я оботру. Вот увалень-то!

Девушка взяла платок и, нахмурив брови, выпятив губы, стала вытирать жидкую черную грязь с ладони Романа.

Он стоял, чувствуя только, что от легких прикосновений руки с платком температура тела прыгает, как в термометре, поднесенном к огню.

Перестал даже дышать, но вдруг спохватился и потянул к себе платок.

— Товарищ Белоклинская.. что же вы? Да я сам, да как же это вышло? Ах я, медведь эдакий...

— Ну, конечно, медведь, настоящий плюшевый мишка. И глаза такие-ж кнопочки беспомощные.

Забрызгала звонкая капель девичьего смеха.

Товарищ Белоклинская стояла у крыльца губкома, положив портфелик, завязанный бечевкой, на осевшие камни крыльца.

Белая заячья шапка свешивала длинные хвосты на порыжевшую кожаную куртку, куртка переходила в клетчатую юбку, на худощавых легких ногах нелепыми нашлепками казались коричневые солдатские бутсы австрийского образца, но Роману ясно было, что нет в мире лучшего наряда.

Он смотрел на ясно розовую щеку девушки, на ласковое пятнышко родинки у вздрагивающего крыла носа и говорил, сам не понимая слов, слабеющим голосом:

— Какая вы нарядная, товарищ Анна Николаевна!

Анна Николаевна хлопнула в ладоши.

— Вот чудак. Да вы когда-нибудь видели, Роман, нарядных людей?

— Мало!—сказал он твердо,—больше издали.

— Ну вот. Оттого вам всякое чучело и кажется нарядным.

— Не знаю,—ответил засерьезневший Роман,—для меня вы всегда будете нарядная и чудесная...

Улыбка спугнутым зайчиком слетела с губ девушки. Она опустила глаза и взяла портфелик.

— Вы очень славный, Роман! Но не говорите комплиментов. Ни мне, ни вам они не к лицу. Я когда-то наслушалась их слишком много и вот почему я здесь,— она ткнула рукой в надпись «ГУБКОМ»,— вам же не нужно учиться, ни слушать, ни говорить их.

— Простите, я не буду, товарищ Анна Николаевна,— виновато-детски протянул курсант, таща у нее из рук портфель.

— И не называйте вы меня так смешно «товарищ Анна Николаевна». Или товарищ Белоклинская, или товарищ Аня, или Анна Николаевна... Вы куда идете?

— Я? А сам не знаю... Взял увольнительную записку из школы и слоняюсь. Думал на картины пойти. Сегодня в гарнизонном клубе кино показывают.

— А хотите со мной пойти?

— Куда?

— Куда? В райклуб. Сегдня доклад о международном дне работницы...

— А читает кто?

— Я.

Роман вздохнул, покраснел и быстро, как будто прыгая в воду, выпалил.

— Хорошо. Пойду.

Ему стало сразу просто и весело. Легко подхватив товарища Анну Николаевну под руку, он засмеялся и потащил за собой по тротуару, шатавшемуся под шагами, к железнодорожному районному клубу.

Это о третьей встрече курсанта кавалерийской школы, второго эскадрона, Романа Руды и дочери полковника Белоклинского, партийки и инструкторши-организаторши, в кожаной порыжевшей куртке и астрийских тяжелых бутсах.

О третьей встрече, с того вечера, как в школьном литкружке появилась руководительница, товарищ Анна Николаевна.

После этой — еще встречи, но о них запись не на бумаге,— в сердцах товарища Ани и курсанта Романа, подручного слесаря от Лесснера.

И только о последней, о последних часах, минутах, секундах будет страница.

. .

VI

Колченогая времянка, распылавшаяся до-красна угарным жаром, пожирала старательно обломки забора от дома купца Солодкова.

Второй год служил забор верой и правдой товарищу Белоклинской.

На времянке шлепал пузырьками кипятка помятый жестяной чайник.

Пузырьки выпрыгивали на раскаленное железо и долго бегали по нему прозрачными живыми шариками, пока не испарялись, или не скатывались сквозь отверстия канфорки в желтую глотку огня.

Товарищ Белоклинская сидела у времянки, не видя заигрываний чайника и склонив гладко зачесанную голову, читала искрапленными синими чернилами листки.

... «Еще пять месяцев, Аничка, и меня выпустят офицером. Очень скучно сидеть в училище, когда на фронте такой под'ем духа и блестящие успехи. Я просился из училища в рейд добровольцем, но папа запретил. Сказал, что дело близится к концу и мне нечего соваться, так как лучше выйти знающим дело офицером, чем недоучкой вроде советских красных командиров, тем более, что всем офицерам будет много работы по воссозданию настоящей дисциплинированной армии. Мне очень было досадно, но пришлось покориться. А нашу кавалерию на всем пути встречают колокольным звоном, цветами, хлебом-солью. Воображаю, как бегут красно-

пузые. По сегодняшней сводке калединцы заняли Курск и двигаются к Орлу. Досадно, что нельзя посмотреть, как комиссары упаковывают чемоданы и дают драпу из Кремля. Мне очень хочется увидеть тебя, сестренка. Мы только надиях узнали, что ты переехала из Питера к тете Варе. Наверное очень голодаешь? Я говорил недавно с одним пленным красноармейцем—у нас в училище работают конюхами пять человек. Он рассказывал, что в совдепии люди умирают с голоду. Я его спросил доволен ли он, что попал к нам? А он очень смешной. Погладил бороду свою у него рыжая, лопата вятская), посмотрел на меня и говорит: «Вы вот, барчук сердечный и добрый, не то, что другие. Дозвольте мне глупому мужику вам на-чисто по моему темному разуму сказать?» — Говори. — «Ну вот, коли правду молвить, сытно у вас и всего вдоволь, а для нашего брата мужика там вольготней. Хрестьянину перво дело землица, без ее не жизнь, а ваши землицу за барином крепят.» — Ну и еще говорил, что вранье это, что в большевистской армии сражаются все китайцы и латыши, что обращение с солдатами вежливое и офицеров не расстреливают, а даже многие офицеры у большевиков занимают крупные .должности. В общем, любопытное рассказывал бородач, но только его вахмистр позвал, а после говорить не пришлось, потому что у нас за интимные разговоры с нижними чинами командир эскадрона так цукнет, что небо с овчинку покажется.

«Я подумал немного вечером. Не знаю, как—что, по моему про китайцев и латышей он правду сказал. Сколько я ни видал пленных, все они самые обыкновенные рязанские «ваньки», а китайца я ни одного не встретил. А кроме этих «ванькев», попадались иногда бритые люди, такого какого-то американского типа, так оказывались рабочие заводские.

«Знаешь, меня иногда берет здоровое сомнение насчет наших газет. Врут, я думаю, с три короба. Конечно, большевики сукины дети и грабители,—я от поручика Каменьщикова знаю, как они ограбили московские соборы и из гроба Ивана Грозного бриллианты вытащили. Поручик тогда по чужим документам в чеке служил и сам выносил ночью мешки, но про китайцев и прочие такие вещи—враки. Я бы не рискнул тебе написать своих сомнений, если бы не знал, что письмо передаю через верного человека. А то у нас за такие сомнения и в контрразведке не трудно очутиться. А тебе пишу обо всем, любимая сестренка. Тут один дурак, Колька Левитов, ты его знаешь, распространял о тебе слухи, что якобы ты тоже большевичка и расстреливаешь буржуев. Ну, я поймал его в парке и намял ему морду как следует, — пусть не врет. А то разнес бы слухи, дошло бы до папы и он разволновался бы. Напиши, пожалуйста, о себе подробно, как живешь и что делаешь? Ведь уже около двух лет, как мы не имеем никаких сведений о тебе, кроме сплетен таких идиотов, как Левитов. Но теперь скоро конец, и мы увидимся, наверное, не позже июня. Ты будь осторожна последние дни, не выходи на улицы во время стрельбы, а то еще нечаянно могут убить. Как хорошо будет снова зажить вместе, тихо и дружно. Очень издергала бездомная кочевая жизнь.

«А у меня над кроватью, в эскадроне, висит маленькая иконка, которая, помнишь, висела в детской над твоей постелькой. Я, когда молюсь по вечерам, всегда вспоминаю тебя.

«Пиши, Аничка, и мне и папе. Может, найдешь случай передать письма. Крепко целую тебя. Любящий брат Всеволод».

Товарищ Аня согнула прочтенные листки пополам и, открыв дверку печки, сунула в огонь. Бумага страдающе скорчилась, задымила, побежали сперва синеватые огоньки, их проглотило радостно взвившееся гудящее пламя, метнулось огнекрылой душой, улетело в трубу, бросив на углях смятый черный трупик.

Девушка закрыла печку, сняла перекипевший чайник и отнесла на подоконник. Стола в комнате не было. Налила кипяток в эмалированную синюю кружку, пустила крупинку сахарина и, взяв кубик жмыхового хлеба, уселась на кровать.

Отхлебывая горячую жидкость, поглядела на времянку, лукаво сморщила нос и сказала вслух.

— Дорогая времянка, как вы думаете, что сделалось бы с полковником Белоклинским, если бы он узнал всю правду?

Угли в затухающей печке вдруг запели тонким пронзительным свистом.

Товарищ Аня расхохоталась.

— Спасибо, дорогая! Я вас понимаю! В ответ на такой вопрос только и можно засвистать. Да... ничего не поделаешь.

Она допила чай, погрызла еще засохший, царапающий горло жмых и легла на доски кровати, закинув руки под голову.

Полежала, напряженно смотря в потолок, и брови сошлись над переносьем острой морщинкой. Сказала снова тихо и грустно.

— Отец? Отец — глупость!.. Жалко Севу. Глупенький мальчик, и не плохой мальчик. Может еще стать живым человеком. А погибнет,—сам не зная за что... Жалко!

Она встала, сняла со спинки стула порыжевшую кожаную куртку, зябко натянула ее на плечи.

Вынула из кармана клеенчатую, в облысинах, записную книжку и между цифрами, адресами, расписаниями организационной работы и лекций товарища Белоклинской вписала химическим карандашом: «нужно не забыть написать Севе всю правду».

Спрятала книжку, нахлобучила на пепельноволосую голову хвостатую заячью шапку, схватила портфелик и, закрыв вьюшку печи, вышла на улицу.

На стене у ворот увидела свеженаклеенную стенную газету Роста.

Вглядываясь в сумерках в расползавшийся сбитый шрифт, нашла сводку Наркомвоен, прочла о ночном налете конных лавин в районе Рязани, о напряженном артиллерийском бое на Гомельском участке, об отступлении красных частей на новые позиции.

Вести были угрожающие, но в словах, в структуре фраз, даже в порченном шрифте была незримая, но входившая в сознание бодрость.

Товарищ Белоклинская вытерла кончиком мизинца заслезившиеся от напряжения глаза, вздохнула и быстро побежала по улице, прижимая к боку перевязанный бечевкой портфелик.

VII

О ней, о товарище Анне, об Ане Белоклинской памятная запись.

И опять не о ней, о многих, о девушках русских, что мукой и любовью приняли пришедшую новь, как ветхое рубище сбросили с плеч оранжерейные годы, ушли из нежного плена шелков, батиста, комнатной жизни, тончайше пропитанной дыханиями Лентериков и Коти, баюкающей негой.

Шуршащей волной сброшенного на пол платья легло прошлое покрываться пылью в просторной квартире полковника Белоклинского на Конногвардейском бульваре в серебронежном Питере.

В древний, с расписными монастырскими главами, приречный губернский город приехала Анна с отвердевшим сердцем, и город не удивился, когда заметил на увалистых подгорных улицах порыжевшую кожаную куртку, австрийские бутсы и перевязанный портфелик.

Удивились только знавшие задумчивую девочку Аню в петербургской квартире холенолицые люди, и еще удивилась чудачка-тетка, жившая в древнем, с монастырскими главами, городе, увидев Аню в порыжевшей куртке.

Спросила о причине такого наряда и, услыхав хлестнувший воздух жесткий ответ, что приехала Аня по партийной командировке работать в губкомпарте, пожала плечами и сказала:

— Ну что-ж!.. Молода, голубушка! Побесись, побесись! Я в твои годы тоже на медицинские курсы удрала с отцовским проклятием на дорогу. Волосы остригла, очки носила и в пледе ходила. И даже раз от Софьи Перовской записочку к Тригони носила. Побесись! Перебесишься — человеком станешь. Только голову не сломай. А то больно вы, нынешние, горячи... Жить у меня будешь?

И на новый твердый ответ племянницы, что будет жить отдельно, не желая стеснять ни тетку, ни себя, добавила:

— Как хочешь! Дело твое! Когда голодна будешь,—приходи, накормлю чем есть. А мужчин гони. Подлецы они все. гроша медного не стоят.

Тогда и поселилась товарищ Белоклинская в пустой комнате, по жилищному ордеру, в конце петлеватого переулка за городским бульваром.

И город привык к куртке, бутсам и портфелику, ибо каждый день во все концы носились они с партийными поручениями во всякое время дня и ночи, в зной и непогодь.

А у товарища Белоклинской, в тихом свете глаз, в теплой улыбке, в твердевшем изгибе рта легло ясное спокойствие.

И оттого везде на митингах, в партклубах, в комсомоле, в детских домах, у инвалидов, в редакции губернской газеты—это лицо вызывало ответные улыбки, ответную теплоту.

И только глубоко под пеплом сожженного теплилась болезненная тишина, с детства любовная сестринская привязанность к сероглазому мальчику Севе, который в дни октября уехал в ковыльные дымы, к полковнику Белоклинскому.

Хотелось вернуть, рассказать, убедить, но Сева был за колючей щетиной фронтов, куда давно не ходили письма, не пролетали сквозным летом громыхающие поезда.

В эти дни пересекся путь товарища Белоклинской путем красного Романа, подручного слесаря от Лесснера, курсанта кавалерийской школы.

И не могла товарищ Анна разойтись с путем Романа, потому, что были в эти обжигающие годы у людей только два выбора: — ненависть и любовь.

Товарищу Анне — любовь.

VIII

Из коридора постучали тремя крепкими толчками.

Аня тряхнула головой, подняла лицо над выписками из Бухарина, переписанными для сегодняшнего доклада.

— Войдите!

В низкий квадрат двери протиснулся, задев шашкой дверную ручку, Роман.

Посмотрел на хозяйку радостно-возбужденными глазами, усмехнулся и, не здороваясь, сказал:

— Отправляют! Послезавтра! Всю школу, как есть, отдельной частью. Здорово?

Товарищ Белоклинская встала.

— Ну и чудак вы, Роман! Даже поздороваться не хотите? Ну то-то... А потом куда и зачем вас послезавтра отправляют?

Роман цепко держался за руку девушки и, чуть сгорбясь вперед, отрубил.

— Ясно куда. Против генералья. На фронт.

И почувствовал ясно в своем тяжелом пожатии мгновенную дрожь маленькой зашершавевшей на морозах кисти.

Внимательно посмотрел в лицо, смущенно выпустил руку товарища Белоклинской и отвел взгляд.

— Разве вам, товарищ Аня... неприятно? — сказал он с трудом, и внезапно тяжело задышав.

Товарищ Аня молчала и глядела с напряжением на круглый лоб курсанта, над которым вились темнорусые волосы.

— Как лепестки хризантем,—подумала почему то она, на мгновение вспомнив прошлое, покрывшееся пылью в питерской генеральской квартире.

— Разве неприятно?, — как сквозь сон повторился настойчивый вопрос.

— Нет... Почему неприятно? Отчего вам пришло это в голову? — спросила она с усилием.

— Да так... Рука у вас дрогнула, — еще тише и смущеннее ответил курсант.

— Рука? Пустяки, — улыбнулась Аня, справившись, наконец, со страшным волнением: я должно быть простудилась в этой беготне. Последние дни лихорадит. Нужно чаю выпить. Потрудитесь-ка, Роман. Разожгите огонь, поставьте чайник, будьте хозяином.

— Вам поберечься надо, отдохнуть, товарищ Аня. Так вы свалитесь совсем,— сказал ласково курсант, снимая шашку и расстегивая шинель

Услыхал в ответ печальный смех.

— Отдохнуть? —Что вы, Роман, с луны свалились, зачем говорите наивности? Сами знаете, что ни мне, ни вам, никому не дадут, да и нельзя отдыхать. Вы согласились бы сейчас отдыхать?

— Он улыбнулся и широко вобрал воздух грудью.

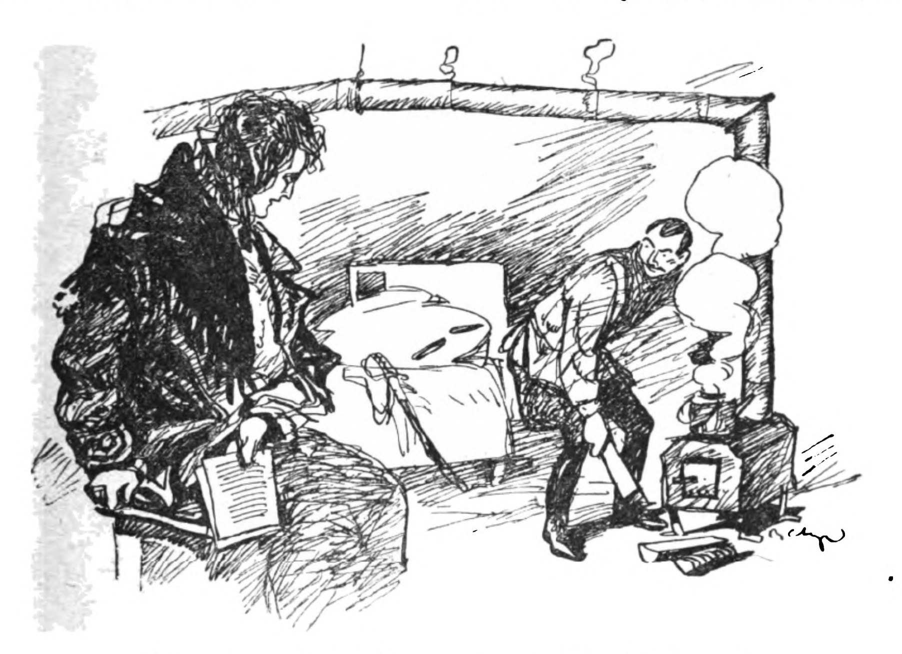
А мне зачем отдыхать? Я здоров, как бугай. Мне только свежего воздуха давай—на фронте надышусь вволю.

Нагнулся к печке, чиркнул завонявшую серой спичку, зажег щепки, и, пока возился с растопкой, Аня следила сторожко за уверенными взмашистыми движениями жилистых рук, за гнувшейся, натягивая гимнастерку, круглой, туго налитой спиной, и по телу у нее разливалась теплая подымающая тревога.

— Такой родной, милый, простой,— подумала она, сама не заметив, и испугагалась незваных мыслей.

И чтобы прогнать ненужное, стращившее, неотвязное, сунула руки в кармашки куртки, плотней уселась на кровати, постучала о пол захолодевшими ногами.

— Роман... Мне нужно с вами поговорить. Об одной вещи... Может быть, глупо это, остатки моей прежней закваски, может быть, потому, что я женщина, простая, смешная женщина, и говорит за меня женское, всегда тревожное сердце.

— Мне только свежего воздуха давай—на фронте надышусь вволю.

Печка разгорелась. Роман встал, сел твердо, как в седло, на придвинутый табурет.

— Так, — сказал он помолчав;—значит, послезавтра прощай город, прощай тихая доля. Повоюем за советскую напоследях. Только вот странно мне, — как же это я вас не увижу, товарищ Аня?..

Сказал он это совсем просто, видно от самой глубины своей, с недоуменной жалобой, но Аня вздрогнула.

Курсант поднял голову, кольнулвнимательно взглядом. Лицо его, от подбородка ко лбу, залила медленная кирпичная краска, дыхание отяжелело.

— Глупый, — подумала товарищ Белоклинская: — он совсем не понял.

Ей стало горячо и весело.

— Вы не бойтесь. Ничего необыкновенного. Вы знаете, Роман, что у меня там, за фронтом, у белых, отец? Да? знаете? Ну вот! Но, кроме отца, там еще

брат, Сева. Ему только девятнадцать лет. Отец мне совершенно безразличен. Он сам избрал судьбу и сам за себя ответит. Но брат—брат мальчик. Он вырос в обстановке нашего генеральского дома, под жесткой рукой отца, с детства начиненный военщиной, монархизмом, идеям величия империи. Но он умный мальчик. На-днях я получила от него письмо. По письму я увидела, что у него есть сомнения в правоте дела отца. Мне хочется спасти его. Я не хочу этой крови... Помогите мне, Роман.

Курсант внимательно смотрел на свои руки, лежащие на коленях.

— А чем же я могу помочь, товарищ Аня? Как помочь?

— Право, я сама не знаю. Я чувствую, что говорю глупости. Но это меня мучает третий день. Вы идете на фронт... Может быть... если он попадется в ваши руки, бывают всякие случаи,—оставьте ему жизнь. Когда он будет здесь, он станет нашим...

Она замолчала.

Роман медленно поднял голову со сжатыми губами.

— Вот что, Аня. Вы мне только скажите, где он, в какой части, и напишите записку от себя, чтоб он знал. Раз он не по сознанию, а с дурости — я его обломаю, лишь бы найти. Коли он вам брат,—значит, и мне брат,—решительно кончил он и опять покраснел.

— Письмо? Письмо я написала ему еще позавчера. Он в Ростове, в кавалерийском училище.

— Одноружник значит? Тем лучше! Еще вместях повоюем. Давайте письмо.

Он взял серый казенный конверт и спрятал его во внутренний карман гимнастерки.

— Спасибо, Роман. Вы очень хороший, — Аня протянула руку и встретила опять, сминающее пальцы, пожатие курсанта.

Сзади зашипел и забрызгал паром чайник. Роман быстро освободил руку и побежал к печке. Товарищ Белоклинская проводила его расширенными потемневшими глазами и беспомощной улыбкой.

Он обернулся от печки и сказал почему-то шопотом: — давайте стакан, я налью вам.

Товарищ Белоклинская коротко вздохнула и прижала ладонь к груди.

— Не нужно чаю, Роман. Идите сюда.

И когда курсант подошел, удивленный, внезапно побледневший, девушка положила руки ему на плечи, подалась к нему любовным движением и сказала рвущимся голосом.

— Я знаю, Роман, что вы сами никогда не скажете мне этого... того, что вы хотите, и что вам нужно сказать, и чего вы боитесь. Но сегодня последний день. Зачем же нам мучить друг друга, зачем красть у себя радость? Я сама скажу вам: я люблю вас, Роман, и знаю вашу любовь.

Была в этот миг в комнате смутная тишина, булькал водой чайник и стояли двое лицом к лицу, глаза в глаза, потрясенные, оглушенные.

Роман, опешивший, подхватил склонившуюся к нему срезанной камышинкой, потянулся неловко к губам девушки, и они улыбнулись ему бессильно - радостно.

И в ночи, в гулком хлопе бившегося на крыше железа, в капельном звоне дождя в стекла, в холодном сумраке советской комнаты, жглись углями встречавшиеся губы, пламенели касания рук, спутывались на прорванной подушке волосы, и комната казалась многоколонной, чудесной, светящейся и поющей.

В эту ночь кровь двоих—дочери полковника, большевички, партийной Анны Белоклинской, и слесаря, подручного от Лесснера, Романа Руды стало одной кровью.

И даже самим им не различить было, чьего сердца удары тревожат тишь.

Связались души кровным узлом, одной тревогой, одной любовью.

И из крови, из трепета зачалась новая жизнь.

Все проходит беспамятным дымом, вечным в смене своей: ненависть, любовь, жизнь.

IX

Эскадроны стояли в конном строю на плацу, покрытом голубыми яркими лужами, и в них беззаботно бултыхалось, отряхиваясь, молодое весеннее солнце.

Широкий лохматый ветер трепал георгиевские ленты штандарта, рвал бирюзовые зеркала луж мелкой рябью.

Лошади стояли, буйно грызя мундштуки, роя землю копытами.

Они чуяли весеннее радостное томление. Жеребцы поворачивали выгнутые шеи к ветру, косились покрасневшими глазами и, когда с порывами долетал до их нюха волнующий запах подруг, ржали пронзительно и весело, тряся головой.

Священник кончил молебен, провозглашая многолетие державе Российской и победоносному воинству ее. От взмахов кадила плыли по ветру синие струйки, и рыжий гунтер, нетерпеливо вздрагивавший под генералом, сердито чихал, вдыхая непривычный и ненужный запах.

Хор отгремел многолетие.

Генерал неторопливо слез с коня и неловкой развальцей подошел приложиться к распятию.

Вытерев платком лоб, смоченный святой водой, он вернулся обратно и с неожиданной для его тяжелого, плотно загрузившего английские бриджи и открытый френч с отложным белым воротником, тела с легкостью взлетел в седло.

Оглядел строй эскадронов и швырнул кругло и громко:

— На-кройсь!

С легким шуршанием поднялись сотни фуражек и опустились на головы.

— Стоять вольно! Можно курить! Через пять минут прибудет его превосходительство.

Кони обрадованно замотали головами, заржали веселее; зачиркали спички, понеслись крутящиеся папиросные дымки, зажурчал говор.

Командиры с'ехались к генералу. Высокий, с длинным шрамом через правую щеку полковник, перегнувшись с седла, рассказывал генералу что-то, веселое и генерал снисходительно скалил сахарные зубы под пушистыми усами.

Блестели на солнце погоны, ордена, начищенные медные части сбруи, вертелись и брызгали грязью расшалившиеся лошади, и от всей группы несло довольством и уверенностью сытых, выхоленных, привычных к своему делу людей.

Генерал бросил окурок сигары и, повернувшись на медный призыв трубы, затянул поводья прыгнувшего гунтера и скомандовал:

— Становись!!! Смиррно!.. Господа офицеры!

Офицеры поскакали на места. Строй шатнулся и застыл.

Из-за поворота плаца показались конские головы. Генерал привстал на стременах.

— Равнение направо!.. Смирно! На караул, шашки вон!

Одной серебряной молнией пролетел по рядам блеск взлетевших лезвий. Генерал пришпорил коня и легко поскакал навстречу конной группе. Там он остановил на полпрыжке скакуна, отсалютовал, подал строевой рапорт и, повернув, поехал шагом за лошадью командующего.

Сотни глаз поворачивались за мешковатой, неловко сидевшей в седле фигурой, пока командующий проезжал на середину фронта. Он был грузен и неуклюж, сидел на лошади по-пехотному, расставив носки и оттопырив локти. На тучном лице в коричневых подглазных отеках утопали маленькие сердитые и сонные глаза, буро-малиновые щеки свисали обезьяньими мешками, разделенные черной бородкой.

Скрипучим голосом, лениво и вяло он сказал:

— Здравствуйте, юнкера! — и недовольно поморщился в ответ на треснувшее «здравия желаем».... Пожевал губами и заговорил.

Говорил он о славе, о величии, о дедовских победах, о славных заветах русской армии, о георгиевских знаменах, боевых подвигах, о спасении попранной родины, самоотвержении, но слова были тусклыми, бескрылыми и шлепались в лужу под ногами вороного коня, падали оловянной тяжестью.

И когда поздравил юнкеров с высокой честью нанести последний удар противнику, собравшему останние силы свои и потеснившему доблестные добровольческие части,—«ура» юнкеров было жидки и неуверенным.

Генерал нахмурился и бросил последние слова:

— Вы уходите на фронт, не окончив курса, простыми юнкерами. Может быть,

это покажется вам обидным, но мы не хотим разрывать связывающих вас уз дружбы и посылаем вас отдельным сводным юнкерским полком. В первых боях своими подвигами вы заработаете офицерские погоны на поле славы и чести.

Командующий повернул коня и уехал со скучающим и хмурым лицом.

Когда эскадроны уходили с плаца под танцующий звон кавалерийского марша, в четвертом ряду первого эскадрона рыжеватый юнкер сказал соседу.

— Ну, и нудная же сволочь, царь Антон! Будто не говорит, а кишку изо рта тянет. Завыть хочется.

— Пономарь, сукин сын!.. По покойникам замечательно читал бы,—ответил, оправляя поводья, Всеволод Белоклинский.

X

«Троцкий кушал мацу с шампиньонами,
Петерс грабил Москву с компаньонами.
Эх, яблочко, да куды котишься,
К добровольцам попадешь, не воротишься»...

Худенький юнкер в очках немилосердно барабанил на расстроенном рояле «Яблочко». Десяток сгрудившихся у рояля подпевали разбродными неповинующимися голосами.

Сквозь опаловую мглу продымленного воздуха, тускло светились розовые электрические нити лампочек.

В углу валялись грудой брошенные на пол шашки и фуражки.

Большой стол, протянувшийся из угла в угол по диагонали ресторанного кабинета, пестрел винными лужами и пятнами от соусов. Бутылки стояли и лежали островками на смятой скатерти.

В пьяном галдеже мельтешили раскрасневшиеся лица, мутно блестящие глаза. Рояль брякнул громом на весь кабинет и за взрывом хохота запели второй куплет:

«Комиссар нас разбить все бахвалился,
Еле ноги унес, опечалился.
— Эх, яблочко,—все катается
А жидовская рать разбегается».

На диванах у стен разбросались юнкера с хористками, на лицах которых сквозь пластырь дешевых белил пробивались замученная робость и безразличие.

Когда допели яблочко, юнкер в очках брызнул лезгинку.

— Цихадзе!.. Цихадзе!.. Лезгинку! Жарь во весь дух!

На середину вылетел горбоносый, пучеглазый юнкер и понесся по кругу, под визг и хлопки. Ноги слабо ему повиновались, он налетал на окруживших его и, наконец, с размаху ударившись о рояль, остановился и выругался.

Осмотрел всех налившимися кровью черными глазами, и взревел хрипло.

— К чорту лезгинку! Раздэвай дэвочек! Будем танцовать канкан в натурэ!..

Слова его покрыли хохотом, рукоплесканиями, криком. С женщин начали рвать платья. Одна вырвалась, пошатываясь и хохоча.

— Не троньте.. Я сама. Ты, бараний князь, снимай штаны, давай плясать голяком.

Черный юнкер разделся под сочувственный рев. Тело у него было коричневое, жилистое, волосатое,—у женщины нежно розовое, светящееся.

Он схватил ее поперек стана и под разухабистый канкан закружился по кабинету.

Прибавилась еще пара, потом третья.

Всеволод Белоклинский встал с дивана и отошел к окну. Голова у него кружилась от выпитого вина и тело ослабело, но голый танец вызвал физическое неодолимое омерзение.

Он отодвинул гардину и заглянул в окно. На темной улице стояли у под'езда ресторана понурые извозчики, под домами пробирались одинокие тени пешеходов.

Юнкер почувствовал щемящее сосание под ложечкой.

— Не то, не то!—сказал он тихо и ощутил на глазах теплую влагу слез.

С трудом сдержался и облокотился на подоконник. На плечо ему легла рука.

Оглянувшись, он увидел девушку в скромном, до-верху закрытом платье, с сухими розовыми губами, болезненными пылающими глазами. Вспомнил, что она сидела в начале ужина против него и ее называли Клотильдой.

— Ты что, миленький, загрустил?—спросила она, и звук голоса, глуховато певучего, так неподходящего к

кабацкому гомону, странно тронул юнкера.

Он взял руку девушки и непроизвольно сказал:

— Противно!.. Я не могу!.. Это чорт знает, что такое... Как звери. Ведь завтра же мы идем в бой, за свое дело, за то, что свято для нас, а сейчас пьем, как свиньи, и танцуем, как сцепившиеся собаки. Меня тошнит, Клотильда.

Она не мигая смотрела ему в губы жарким чахоточным взглядом.

— Не зови меня Клотильдой! Какая я Клотильда! Настя я!.. Хоть раз хочу человечье имя свое вспомнить.

Она смолкла и, тесно придвинувшись к юнкеру, прошептала.

— Мне тоже тошно! Увези меня отсюда. Поедем к тебе!

— Куда ко мне?

— Домой, к тебе!

Юнкер жалко и растерянно улыбнулся.

— Домой? Настенька, у меня третий год нет дома. Я—выгнанная на мороз собака. Мы все выгнанные собаки и дома у нас нет. Сегодня Ростов, завтра Харьков, послезавтра опять Ростов, а через неделю, может быть, помойная яма... Нет у нас дома, нет родины, ни чорта нет, кроме пьяного ухарства и спрятанного отчаяния. Мне скверно, Настенька.

Она взяла рукав его гимнастерки двумя пальцами и повертела, раздумывая.

— Я б тебя к себе позвала, только у меня собачья конура тоже. Брезгать будешь.

Юнкер перебил.

— Куда хочешь, только вон отсюда! Я могу здесь разрыдаться, закричать, убить кого-нибудь.

— Ну тогда поедем. После на меня не сердись. Где твоя шашка?

— Я сейчас возьму.

Белоклинский разыскал в куче свою саблю и фуражку и вернулся к Насте.

— Едем.

Уже в дверях кабинета она вдруг остановилась и обдала юнкера горячечным блеском зрачков.

— Как тебя зовут, миленький? Я и не спросила, дура.

— Всеволод.

— Всеволод? Севушка! Севушка! — повторила она, как будто прислушиваясь к каким-то нежным звукам в имени, и быстрыми шагами пошла через общий зал к вестибюлю.

XI

Извозчик, пропутавшись долго в кривых переулочках, остановился у калитки в глухом остроколом заборе.

— Приехали. Вылазь, миленький,—сказала Настя задремавшему Белоклинскому.

За ней он прошел садом в глубь двора к покривившейся хатке.

Девушка открыла визгнувшим ключом маленькую дверку.

— Нагнись. Тут низко, — шепнула она.

Юнкер шагнул в хату и в темноте почуял влажный масляный запах крашеного земляного пола и аромат каких-то сухих трав.

Девушка открыла вторую дверь и протолкнула в нее юнкера.

— Иди в горницу, а я сейчас лампу заправлю.

Он очутился в низкой и узкой комнатушке. Мутно синим квадратом яснилось окно и трепетал на нем распластанный крест рамы. Здесь еще сильнее пахло сухими степными травами.

Ощупью нашел стул и сел.

В щели двери вспыхнула полоска оранжевого света, и Настя вошла с керосиновой лампой. Поставила ее на стол и, пройдя к окну, опустила ситцевую занавеску.

Юнкеру неожиданно вспомнились тревожные, мучительные строчки.

«Опустись, занавеска линялая,
На больные герани мои»...

Девушка отошла от окна и остановилась посреди горницы, поправляя прическу. В черном закрытом до шеи платье она казалась почти девочкой, худощавая и легкая.

Белоклинский оглядел комнату. Вдоль стены у окна стояла узкая девичья кровать, накрытая пикейным покрывалом. Над ней в красной рамочке висела фотографическая карточка юноши в кепке с пристальными и твердыми глазами.

На комоде в углу, в двух фарфоровых кувшинчиках стояли букеты ковыля, полыни и чобрика, и юнкер понял, отчего так горько и так тревожно дышала комната степными дыханиями. На некрашеном столе лежала кипка книг.

Он скрестил руки на колене и сказал.

— У тебя славно. Настоящая келья. Чисто и тихо.

Она неторопливо отозвалась.

— Я боялась: тебе не понравится. Тесно и бедно. Разве по нашему делу годятся такие конурки? Клотильде ковры нужны, мебель шикарная, духи. Ха, ха, ха!

Смех у нее был грудной, печальный.

— Ты же не Клотильда, а Настя, Настенька! Хорошее русское имя.

— Правда? Больше нравится, чем Клотильда? Правда?

Голос ее прозвучал тревожной лаской. Она подняла руку и горячей сухой ладонью провела по волосам юнкера.

— Севушка!.. Севушка-девушка! Севушка и Настенька,—она зажмурилась:— хорошо!

Белоклинский потянулся к ней и хотел обнять за талию. Она легко отстранилась.

— Подожди. Я не для баловства позвала тебя. Ты не знаешь еще зачем. Иди, садись сюда вот.

Она показала на маленький диванчик. Юнкер пересел. Настя взяла с кровати вышитую бисерную подушку, бросила на пол и села у ног юнкера, положив подбородок ему на колени, смотря жадно в глаза.

Смотрела и молчала. В глубине зрачков метались ожигающие черные искры.

Глаза томили и нежили, от неотрывного взгляда кружилась голова. Юнкеру стало неловко, он попытался заговорить. Она взволнованно шепнула.

— Подожди, помолчи, родной! Дай наглядеться, Севушка!

Снова молчала и смотрела. Наконец заговорила.

— Трудно... Трудно мне рассказать, чтоб ты понял. Ах, говорить бы такими словами, как птицы, и то не рассказать всего. Ты душой пойми, Севушка, не смейся надо мной, глупой. Смешно тебе будет, может, обидишься. Девка ресторанная, залапанная, испохабленная и туда же. Ах, миленький, миленький ты мой! Не смейся, не прогони! Одна кровь человечья, руда червонная, жаркая.

Она дрожала и прижималась в томительной тоскливой смути к коленям Всеволода.

— Успокойся, Настенька! Что ты! Ты вся дрожишь!—сказал юнкер, беря ее руки:—ты нездорова, девочка!

Она еще крепче прижалась.

— Нет... нет... здорова я. Не от болезни это,—бросала она бредовой, задыхающийся шопот:—ты слушай, слушай, пойми. Думаешь: девка я продажная? Ну, да, девка, по кабакам шляюсь, с швалью всякой путаюсь, каждый меня купить может. А ты на это не гляди, Севушка! Ты в душу загляни, как она вся ножами истыкана, как кровь руду точит. Разве думала я такой стать? Приехала в шестнадцатом из Питера в Тифлис, на заработки польстилась. На завод потребовались для снарядов шлифовальщицы. Платили много, соблазнилась, поехала. Год прожила, как барыня всего имела. После революции стал завод в начале восемнадцатого года. Решила я домой добираться, в Питер. А тут уже ваши с большевиками воевали по станицам. Ну, в станице одной попала к казакам пьяным, снасильничали они меня, всю ночь мучали, утром выгнали и деньги все отняли. Плакала, билась, в реку хотела, да не пускает жизнь легко человека.

Она закашлялась и отвела рукой свисшую прядь волос.

— Ну, а дальше известно, какая у нашей сестры дорога? Работа вся встала, народ друг на друга пошел, устроиться негде, и пошла я по рукам гулять, девкой похабной стала. Жжет меня мука мученская, тоска давит, Севушка! Так и погибнуть любви не знаючи, проклятой, заплеванной. Страшно мне, Севушка!

Юнкер почувствовал мучительное волнение, стыд, боль. Он крепче сжал дрожащие худые пальцы. Искал каких-то необыкновенных слов, но сказалась самая пустая, ненужная фраза, от которой он болезненно с'ежился:

— Бедная детка!

Но она обрадовалась и этим жалким словам, как живоносному источнику.

— Спасибо, миленький! Не жалость это, жалости не прошу. А за доброту, за сердце чистое твое спасибо. За то, что слушаешь, в ноги тебе поклонюсь.

Она склонилась головой к сапогам юнкера. Он испуганно встал.

— Настя! Настенька! Что ты? Не стою я! Дрянь я такая же, как и все!

Она почти крикнула.

— Нет!.. Нет! Не смей. Ясный ты. Разве не видела я, как тебя воротило от голых, в кабаке проклятом. Душа у тебя... человечья душа; живая. Понимаешь, что на смерть итти светло надо, с верой. Оттого и погибнешь. Все такие гибнут. Смерть твою чую, Севушка! Защитить хочу, а нет у меня силы.

Юнкер взволнованно прошелся по комнате.

— Почему... зачем ты мне смерть предсказываешь?

— Не предсказываю—знаю. На смерть идешь. Много вас идет против народа, а народа сила, миллионы. Не осилите вы, все до единого погибнете. Так тех, что толяком перед смертью похабничают не жалко мне. Знают, что за похабство свое дерутся, за водку, за то, чтоб над такими вот девками, как я, измываться, деньги грабить. А ты за что? Голубь ты ясный, младенчик светлый. Не ихний ты, ошибка тут страшная. Тебе туда надо, к народу! Душа у тебя открытая, совестливая!

— Ты, что же думаешь там лучше?— спросил, вздрогнув, юнкер.

— Лучше, лучше, миленький! Люди там правдой горят, за правду бьются, за нас, девок срамных, чтоб нас от смерти воззвать, в жизнь впустить, омыть похабство земное, матерями, женами стать нам позволить, язву нашу выжечь. Хорошие там! Брат мне еще в Питере рассказывал про это, про революционеров, которые царей убивали. Брат мой, Ромушка. Вон он над кроватью висит. Был бы здесь — вызволил бы меня из срама.

Она уткнулась лицом в потертый плюш дивана и разрыдалась, вздрагивая острыми лопатками.

Растерявшийся, взволнованный юнкер склонился над ней.

— Настя! Настенька! Не плачь. Встань, не нужно. Ну что сделать? Я помогу чем можно. Скажи только как?

Девушка быстро встала и вытерла глаза. Усмехнулась виновато и тепло.

— Спасибо, миленький. За то, что слушаешь, в ноги тебе поклонюсь.

— Напугала я тебя, Севушка? Глупая я, больная, шалая. Не буду больше.— и помогать мне не надо. Садись, посиди со мной последнюю ночку.

Она усадила юнкера и села рядом. Приблизила лицо с коловшимися глазами.

— Не стану ныть! Смеяться буду, радоваться тебе, гостю моему любому. Как увидала тебя в кабаке против себя за столом, будто по мне молонья полыхнула. Вижу мой сидит, мой жданный, суженый. Вот и привела тебя к себе. Никто кроме тебя в эту комнатку не входил. Ты, сокол ясный, и комната моя ясная, и я сама сегодня девушка-первинка. Севушка, бастенький мой, сероокий. Приласкай меня, не побрезгуй. Не гляди,

что шлюха я, что девка последняя. Это для тех, а для тебя нетронутая, непочатая. Все тебе отдам—сердце мое болезное, душу, тело, вся в руках твоих лаской изойду за одну эту ночку. Люби меня, Севушка, несколько часочков только, а мне всю жизнь вспоминать тебя милого. Оба мы с тобой пропащие, нежилые.

Она быстро расстегнула воротник гимнастерки юнкера и начала целовать его в шею короткими, острыми поцелуями. Вскочила, погасила лампу и приникла к его груди. Юнкер почувствовал странное, пронизывающее волнение, вздохнул глубоко и жадно и любовно поцеловал пересохшие, вздрагивающие губы девушки.

Медленно серел квадрат окна, пересеченный черным крестом рамы, шурша ветром пролетала за окнами весенняя ночь.

В эту ночь кровь юнкера Всеволода Белоклинского и кабацкой девки Насти Руды, невесты непорочной, впервые узнавшей любовь, исходившей в смертельной ласке, — одной стала кровью, связала двоих кровным, неразрывным узлом.

XII

Стекали на степь с жаркого неба жидким серебряным паевом майские дни.

Никли пуховые веники ковылей, ходили степи дыханиями горькими и сладкими.

Были майские дни теми днями, когда рассыпались прахом лавины белых, малиновых, синих фуражек, покатились назад к морю Тмутараканскому.

Дышали дни нерукотворными легендами о черноусом Семене Буденном, что, наполнясь ратного духа, повел полки свои на разбойную землю половецкую, за красную Русь.

С гомоном, с песней лихой, с неистощимой силой летели полки в половецкие степи.

Суровы были бойцы, взрощенные трубными зовами, взлелеянные под богатырками, вскормленные стальными жалами пик, были им ведомы все дороги и знакомы овраги, крепко натянуты поводья, метки винтовки и отточены сабли.

И скакали полки, как серые волки в поле, ища себе чести, а красному краю славы.

Загородили они сердце страны багряным блеском знамен, звоном клинков, конским тяжким топотом.

И тогда в русской земле редко выходили на ниву пахари, но часто каркали вороны, деля меж собой трупы и поднимали стрекот галки, сбираясь лететь на покормку.

Густо усеялась степная пахучая целина костями под конскими копытами, полилась кровью, — возрастала же щедро печалью по всей стране.

И у устьев великого Дона сходились в смертной ненависти трудовая красная рать и разбойная кочевая рать половецкая.

Катался круглыми волнами над степями пушечный гром, в потревоженном небе клекотали степные орлы.

И с одной стороны жаждал смертной встречи с вражьей ордой сводный курсантский полк, а с другой кавалерийский юнкерский полк «бессмертных».

И пока метались курсанты по ковыльным берегам тихого Дона, искал Роман ненасытно и неустанно вестей о брате-враге, о брате-кровнике, письмо к которому лежало во внутреннем кармане гимнастерки, рядом с выпиской из книги о браках, в которой отмечено было, что марта второго дня зарегистрирован, под номером сто тридцать седьмым, брак курсанта Романа Руды, 27 лет, рабочего слесаря, с Белоклинской Анной, дочерью генерал-лейтенанта, 23 лет.

Каждого пленного офицера с жадной пытливостью допрашивал Роман об Аннином брате, но ни разу не услышал в ответ:—знаю.

Письмо продолжало лежать в гимнастерке, и серый казенный пакет протерся, пропитался потом.

А Всеволод Белоклинский носился со своим полком по степным небитым дорогам, нося в душе смятение, тревогу и отчаяние.

Часто вспоминал последнюю исступленную ночь, жаркоглазую Настеньку, отдавшую ему любовь нетронутую, бесконечную, смертельную.

И помнил еще слова Настенькины: «На гибель идешь, голубь! Смерть твою чую,—не живут такие».

Помнил и ждал смерти, потому что не было у него ни дома, ни родины. Была пустота, сомнение и растерянность.

Только в кожаном бумажнике с серебряной монограммой носил маленькую записку, а в записке стояло: «в случае моей смерти прошу сообщить по двум адресам:—город Т., Монастырская улица, дом 2, Варваре Сергеевне Уральцевой для Анны Белоклинской и еще: Ростов, Темерник, дом Дедюлиной, Анастасии Петровне Руда. Очень прошу это сделать. В. Белоклинский.

О брате Настенькином, Романе, ничего не знал Всеволод Белоклинский и только запомнились ему пристальные и твердые глаза на фотографии над кроватью.

Стекали с неба на степной чернозем плавленые дни, зажигали в сердцах ярость и ненависть.

И встретились двое на берегах мутноводного Маныча.

Сошлись красные конники и разбойные половчане для смертной встречи у речного быстрого тока.

С утра до вечера, с вечера до златопламенной зари летят кусачие пули, гремят встречно клинки, трещат пики в незнаемом поле, посреди половецкой земли.

На Маныч-реке не снопы стелют—головы; молотят стальными цепами, на току кладут тела человечьи, веют жизни от них.

Кровью покрыты берега Маныч-реки, не зерном засеяны, засеяны костями ратей.

Бились день, бились другой, на третий пали штандарты с георгиевскими лентами, поволочились в густой пыли.

По следу уходивших половецких конников бросились конники вольного красного края. Но волками огрызались, уходя, последние, скалили гнутые свистящие клыки шашек.

И на закраине станицы встретились двое.

На обходившие с фланга курсантские эскадроны, была брошена лавой последняя надежда врага, полк «бессмертных».

Было где разгуляться на гладком степном ковре.

Заломив фуражки, всадив шпоры коням, понеслись юнкера отчаянным карьером в атаку. Не дрогнули запыленные серые эскадроны и, только переменив направление на-встречу атакующему, развернулись и по команде: «карьером, марш-марш», ринулись на-встречу.

Неслись оба полка без выстрела и даже ненасытные пулеметы, сеявшие свинцовый сев из за станичных заборов, стихли.

Только гудела земля под копытами, звенели стремена, шашки, яростно ржали кони и оба строя, налетев друг на друга, скрылись в облаке горячей пыли.

И в рядах полков, с одной стороны, горбоносый высокий донской скакун нес машистыми скачками сероглазого юнкера, с другой—мохнатая, коротконогая вологодка, хрюкая селезенкой, потряхивала широкоплечего в богатырке, с пристальными и твердыми глазами.

В сшибке, в облаке пыли наскочили друг на друга горбоносый донец и мохнатая вологодка.

Курсант ударил наотмашь, но ловкая рука отбила удар, и почувствовал Роман, как вылетела шашка из онемевшей руки. Увидел серебром взлетевшую в воздух для удара полосу.

Зажмурясь, схватился за кобур, но в левую сторону шеи резнуло и выбивающая память боль остановилась в середине груди.

Зеленым сиянием застлало глаза, сквозь пленку мелькнуло над головой лицо с оскаленными зубами, и уже неживым упором, Роман спустил курок нагана в этот оскал.

Выронил стремена и свалился на полынную целину, раздвоенный казачьим клинком почти до пояса.

А сверху тяжестью навалилось легшее поперек тело, с черной дырочкой между глаз, откуда неровными толчками брызгала кровь и выползали желтые жирные комки.

Кровь их смешалась на степной, древней полынной земле и земля приняла любовно красные живоносные токи.

Кровь курсанта Романа и юнкера Всеволода, врагов, братьев, кровников,—одной стала кровью в этот час.

Одна людям любовь, одна ненависть.

И нет большей любви, как та, что всходит над нашей землей, из почвы впитавшей кровь, порожденную ненавистью.

Имя любви — грядущее. Не нам любовь, — детям и детям детей наших.

Нам скорбная память. Вдовам и невестам слезы, одинокая туга сиротство.

XIII

Ночами с курганов, поверх деревьев кличет тревожным клекотом вещая Дивптица.

Кличет, велит слушать землям: Волге и Поморью, и Посулью и Сурожу, и великому Корсуню и тебе, поверженный в желтые воды, истукан Тмутараканский.

Предвещает клекот лютую печаль земле, стенания и муки вдовам, невестам сиротливую долю.

Поднимаются на клекот с одиноких постелей головы, глядят в тьму бессонными очами, протягивают заломленные руки, припадают к ложу иссушенными сиротным томлением, телами.

Полегли мужья, женихи по степным разлогам, ища себе чести, делу своему славы.

. . . .

Вытоптали красные конники копытами белые полчища половецкие, загнали к шумному Евксинскому Понту, сбросили в пенную синядь.

Свет-заря растет, ширится над русской землей, дымными клубами уплывает за рубежи заморские лютая печаль.

Колкими зеленями пошли напоенные рудой полынные степи, проросли сквозь кости полносочными травами, наливными хлебами.

Цветет красным цветом, млеющим маком земля, любится плодливо с ветрами и грозами.

На плодливой нови взбухает человечья крепкая завязь.

Только перед зарей томительно плачет в березовой роще зегзица.

И одиноко кукует Ярославна на городской стене, утирает тканым рукавом горынь слез, зовет, прикликивает, ждет с бранных полей милого князя.

Но усеян чернозем половецкий костями, полит кровью, взошел янтарным пшеничным наливом.

Не вернутся возлюбленные, прошедшие горькими степными путями, больше жизни возлюбившие ширококрылый размах ковыльных полей, ярый лет конского бега, скрип колесный в черные полночи, звон оружия, громы очищающих гроз, легшие в тугой пар пищей тучным стеблям, наземом жизнетворящим нивам.

Разными дорогами прошли они по степным просторам, разно сожгли души свои и разметали тела, но одна в телах человечьих кровь—руда, одна ненависть и любовь.

Один узел кровный, неразрываемый.

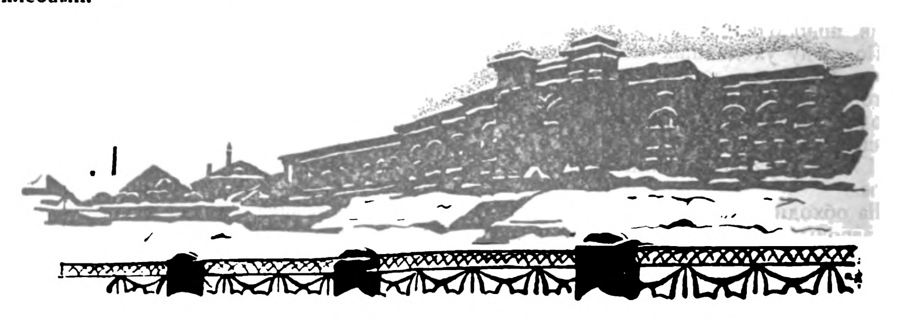
И одна на земле печаль-горемычная, сиротская вдовья.

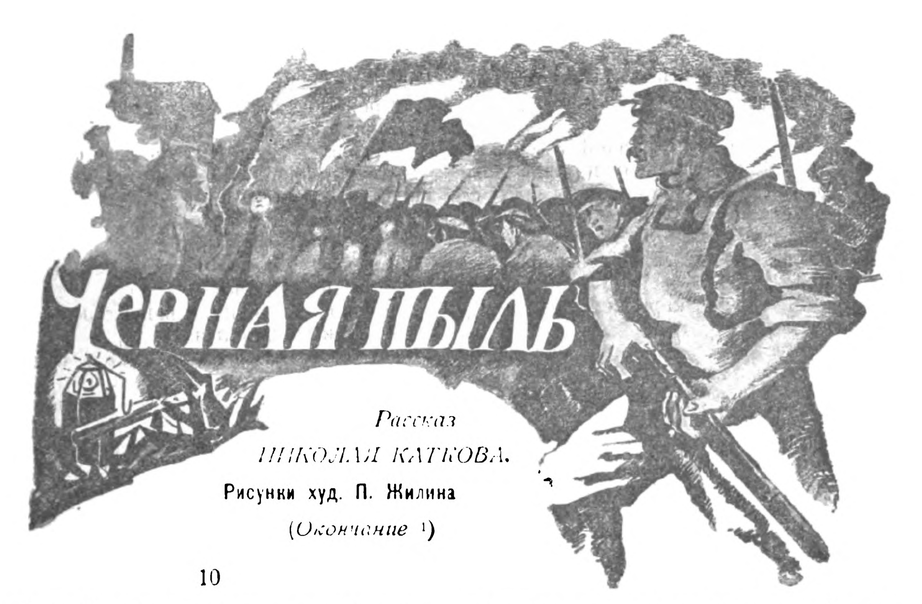
Все проходит легким беспамятным дымом, но Ярославне плакать до века.

В прошлом наша ненависть, в прошлом червонные ветры, конский топ, пушечный гром, звенящие сабельные всплески.

Мертвым благостное забвение, нам — живым, помнящим—слава и гордость.

Земле нашей любовь, что не прейдет до конца.

Рассказ
НИКОЛАЯ КАТКОВА.

Рисунки худ. П. Жилина

(*Окончание* [1])

10

В узкой, как одиночка — камера, комнате, с низким, приплюснутым по углам сводчатым потолком, сидели они вдвоем: Аким, опираясь локтями на измызганные ручки мягкого кресла и помощник начальника контр-разведки, склонившись над втиснутым в угол столом.

За стеной направо беспечно стрекотали машинки и эта стрекотня невольно переносила Акима в недавнюю суетливо-тревожную обстановку, ревкома; налево поминутно взвизгивала дверь и грубо огрызался на нее и ворчал кованный топот тяжелых шагов.

Аким был спокоен. Беспомощность молодого неопытного помощника смешила и радовала. Он протягивал руку к раскрытому на столе портсигару и спрашивал:

— Дозвольте закурить?

И, закуривая, прятал под широкой мозолистой ладонью улыбку.

Думал:

...Жандармов проводил, не тебе чета, а ты что?.. шлак.

Потому ли, что допрос продолжался уже полтора часа и не давал никаких результатов, или потому, что уж слишком назойливо визжала за стеной дверь — помощник начинал нервничать. Он то до хруста в суставах сжимал сухие тонкие пальцы, то вдруг срывался с места и, засунув руки в карманы кителя, бегал в треугольнике между столом и углом.

— Вы явно уклоняетесь отвечать по существу, — произнес он, сжимая дрожащими пальцами карандаш. — Я должен вас предупредить, что это усугубляет вашу вину и вы за это ответите больше, чем за принадлежность к партии.

Аким затянулся папиросой и продолжительно посмотрел на него искоса.

— Я это знаю, но не могу же я говорить то, чего не знаю.

Сказал и, положив ногу на ногу, пустил к потолку клубок дыма.

Помощник отвернулся к окну и долго и пристально следил за отраженным в стекле неподвижным, высеченным из камня, лицом Акима, видимо, готовясь к новому нападению.

Аким смотрел исподлобья на качающуюся на стене вытянутую тень противника и был наготове.

И вдруг — на каблуках кругом — в упор:

— Как же вы могли стать во главе охраны порядка в городе?

Каменное лицо раскололось и обожгло холодной белизной стиснутых зубов.

---

[1]) См. „Кр. ж. д. всех" № 6 за 1925 г.

...Эге, брат, это ново... значит, тебе уже известно...

Ответил:

— Очень просто. В такой момент мог каждый предложить свою помощь, даже не будучи большевиком. Вы ведь хорошо знаете, чем отличаются такие переходные моменты. Я и взял на себя ответственность по охране населения от грабежей.

Сжатый в руке карандаш хрустнул и упал на пол.

— Ну, что-ж?.. Придется еще завтра поговорить с вами...

Нажал кнопку звонка и в дверь налево:

— Доставить в старую тюрьму.

Аким пожал плечами, как будто хотел сказать, — „хорошо, что так... могло быть и хуже“,—плотнее застегнул полушубок и окутал шею шарфом.

Конвойный указал на дверь:

— Проходи.

За спиной лязгнул затвор винтовки.

Коридор. Лестница. Двое конвойных позади, один впереди. И там и тут, в табачном дыму, будто цветные китайские фонарики—лица солдат и казаков. Горят, вспыхивают, — иногда совсем близко.

— Попался, голубчик... Теперь мы с тобой расправимся.

— Чего вы с ними возитесь?.. Развешайте их по столбам и конец.

И так хотелось тогда остановиться и крикнуть этому густому, как опара, людскому месиву: „Что вы делаете?.. Знаете ли, за что вы боретесь и кого защищаете?“

Но будто нарочно лязгали за спиной затворы и до боли бил хриплый голос молодого конвоира:

— Винтовки на перевес! Смотри под ноги!..

Шел сутулый. Прятал голову в широкие квадратные плечи и думал:

...Подожди, скоро опомнятся сами... да, да... поймут и опомнятся...

11

За поворотом в улицу желтой рогожкой упали на панель два ярких отсвета. В открытую фортку вырывался разноголосный пьяный гул и гремел, раскатываясь, о булыжную мостовую.

Конвоиры остановились.

Молодой сказал:

— Братцы, а не зайтить-ли в чайнуху?.. Дело не волк, в лес не убежит, а мы целый день не емши.

Из-за спины хмуро:

— А его куда?

Молодой толкнул Акима к стене.

— Стой тут пока.

Подошел к своим и зашептался.

Аким насторожился.

— А кто увидит?.. Кончим и на душе легше.

— Брось зря говорить... Грех на душу брать...

И тот, что постарше, потянул Акима за рукав:

— Айда с нами.

И, как на допросе, теплой струей скользнула под полушубком радость.

...Дело не волк, а убежать не плохо бы...—подумал и усмехнулся в шарф.

Чтобы не быть узнанным, натянул шарф до глаз и, только, когда сели за столик, сторожко осмотрелся по сторонам и вздохнул облегченно.

Молодой указал рукой в угол:

— Пересядь-ка, брат, к стенке... вот так, не догадались, чтобы, а не то... (прищелкнул языком) и тебе, и нам...

И к стойке:

— А ну... хозяин!

Безбровый скуластый половой нагнулся к уху:

— Белого хлеба не позволите?

Молодой хитро прищурил левый глаз:

— В чайничке?

Половой мотнул головой.

Переглянулись.

— Валяй... С бутылочку...

К Акиму:

— Пьешь?..

И старший похлопал его по плечу:

— Пей, брат, и никаких... Эх, ты, сердяга... И чего это ты впутался-то... Пошли ты их... Знаешь куда?.. Ей-богу, право... У меня вот жена дома, ребят двое... Танбовский я...

— Это, собственно, про кого ты говоришь-то?— вмешался молодой и закусил нижнюю губу.

Старший добродушно улыбнулся в бороду.

— Бей!.. его... Держи!..

— Про кого... известно про кого... про большевиков. От их вся склока... Кабы не они — быть бы мне у себя в Танбовской...

Аким молчал.

Под топорщившимся рыжим ворсом едва заметно вздрагивали сухие губы.

Выпитый стаканчик ударил в голову. Кровь стучала в висках. Перед глазами ползли, качаясь, синие круги и на них, как на нитях — цветные китайские фонарики.

— Пей еще...

— Не могу.

— Пей, говорят...

В соседней комнате играли скрипка и арфа и чей-то высокий голос горланил гимн.

Буфетчик перегнулся через стойку и крикнул половому:

— Уйми там... гражданина-то...

Сидевший у стойки рыжебородый казак ударил по столу.

— Это почему ж унять-то?.. Мы где находимся, в Мочульске иль в Москве?..

Буфетчик молча отвернулся.

— Я тебя спрашиваю, эй ты!.. Чего шары-то выкатил?..

Встал и, раскачиваясь громоздким туловищем, затянул:

— Бо-оже царя-я...

— Храни-и... — подхватили пьяные столики.

Молодой осклабился и, прищелкнув языком, к Акиму:

— Что, брат, не ндравится?

Старший схватил его за плечо:

— Брось... Слышишь, брось...

— Нет, не брошу,—брыкался молодой и лез на Акима:— Не брошу... Почему он насупротив меня идет, а?.. Нешто я не такой же пролетарий, а?..

— Кто идет?..

Аким повернулся. Навстречу ему — рыжеволосое, налившееся кровью лицо казака.

— Кто против?.. Кто пролетарий?.. Братцы, тут шпиен есть.

И, распахнув руки, бросился на Акима.

— Бей его, красную сволочь!.. Бей!..

Синие круги дрогнули и оборвались. Кровь еще сильнее застучала в висках.

Аким откачнулся и, что есть силы, — вниз, между казаком и конвойным.

— Бей его!.. Держи!..

— Бей-ей!..

Трактир дыбом.

— Где он?.. Бей!..

— Держи!.. А-а!..

Аким подбежал к двери, — солдат, — кулаком в грудь и за скобку, — рванул, — за спиной звенели разбитые стекла и высокий голос надрывисто кричал:

— Держи-и!..

12

Мокрый снег тяжелыми хлопьями падал на землю.

В мутной ночной дали робко горели по пригоркам одинокие огоньки Ириновского рудника.

Аким пробирался узкой тропой мимо шахтерских огородов.

Поднялся к себе и постучал в окно.

За красной ситцевой занавеской вспыхнула спичка, тоненьким птичьим языком заколебалось пламя свечи. Скрипнула дверь, пробежали через двор знакомые шаги, — острым клубком подкатилось к горлу, рука судорожно сжала скобку.

— Маша, это я, Аким...

Щелкнула щеколда и теплые руки обвили шею.

— Родной мой, а мы-то думали...

Целует, крепко сжимает кисть руки и тянет за собой.

— Идем, идем.. В избу... скорее.

И перед самой дверью еще раз:

— Родной мой...

И к груди — крепко, крепко.

Пахнуло знакомым родным уютом, хозяйством. Приветливо (никогда раньше не замечал этого) поскрипывали под ногами половицы, тоненько посапывали за занавеской дети, словно кто-то наигрывал там в глиняного петушка.

— А ребята как?

Не дождался ответа и прошел к ним и долго в молчании стоял над их кроваткой.

Осторожно — чтобы не разбудить — вышел к Маше. Остановился посреди избы и смотрит на нее, следит за каждым движением, и чувствует, как растет в груди нежность, которой никогда так остро не ощущал раньше, и светлая радость наполнила сердце.

Тихо:

— Маша...

Позвал — и не узнал своего голоса: такой он был ласковый.

Маша оторвалась от самовара и подошла.

— Что, милый?

Прижалась теплым плечом, гладит рукой голову, лицо.

— А уж мне чего только не надумалось... И не верится даже, — будто и не ты это...

Целует и вдруг спохватывается:

— Что-ж это я самовар-то и забыла... Да переоденься ты... Сейчас я достану...

И опять смотрит Аким на жену и дрожит, дрожит под рыжим ворсом улыбка.

Думает:

— ...А ведь хорошая она у меня... хорошая...

И ловит себя на вопросе:

...Почему же раньше казалась такой чужой и далекой?..

— Плохо, милый, тут стало, — говорит Маша, накрывая стол: — Как увезли тебя — многих расстреляли. В гудки кто-то загудел — народ-то и сбежался, а как тебя увели — и давай, расстреливать... Да тридцать человек всего...

— А Филатыч? — голос Акима дрогнул.

— Жив... Каждое утро ко мне наведывается.

— А Миничев? А Чепурно?

И тяжелым камнем ложился на сердце ответ:

— Расстреляли. Обоих расстреляли.

А потом долго еще сидели вдвоем и подолгу смотрели друг на друга, — без слов, молча, — и чувствовали, как что-то новое вошло в их жизнь, еще неиспытанное, еще неузнанное.

Утром Аким заспался. Проснулся - голос Филатыча:

— Бунт в Мочульске-то... Заводы бастуют... Не знай как Акимыч-то.

Маша тяжело вздохнула:

— Ох уж и не говори лучше... Места не нахожу.

Но Филатыч, видимо, в недоумении.

— Что ты уставился на меня?

— Да уж не врешь ли?.. Вид у тебя иной нынче... Я человека по глазам вижу. Смотри, бабынька, вернется муж — все расскажу...

Аким молча вытащил наган и приставил к виску.

Смеется.

Аким поднялся на локте и приоткрыл занавеску.

Филатыч отшатнулся. Зажал в кулак расплескавшуюся по груди бороду и прищурил заросшие густым волосом медвежьи глаза.

— Батюшки-светы... Никогда в домовых не верил, а тут...

Всплеснул руками и бросился обнимать Акима.

— Ах, шут тебя!.. Как же это ты?..

— Обожди, дай-ка закурить сначала,— Аким сел на кровать,— расскажи-ка ты лучше, как тут...

Филатыч по привычке склонил голову на плечо.

— Да что как? — плохо. Собираемся в седьмой пока, а дальше что — неизвестно. Прислали из ревкома человечка для связи, товарищ Никита, да не ладим мы с ним. Проваливает все организации... Кое-кто поговаривает, не провокатор ли?..

Аким задумался, — потом сказал:

— Устрой-ка вечером собрание... Я поприглянусь к нему. Обо мне пока никому ни слова.

— Идет... Попозднее...

Ну, вот... Теперь слушай, как я бежал.

15

Филатыч встретил Акима у входа в шахту.

— Все здесь. И Никита. Айда.

По наклонному штреку прошли до сбойни с вертикальной шахтой. Кругом потрескивали деревянные подпорки, под ногами хлюпала вода. У сбойни мелькнул огонек и чья-то тень уродливо легла на мокрую стену.

Собрание происходило в старой конюшне. Было здесь человек восемь и все они, как один, поднялись навстречу Акиму.

Подошел и Никита,—молодой, бритый, с черной, свисавшей на лоб, курчавой прядью волос.

— Здравствуйте, товарищ, я очень много о вас слышал,— проговорил он, протягивая руку.

Аким улыбнулся исподлобья и молча пожал руку.

Собрание открылось докладом Филатыча о положении на рудниках. Из доклада и вопросов товарищей Аким понял, что организация страдает от отсутствия связи с Красной армией и поэтому предложил командировать для такой связи одного из товарищей.

Никита сразу же и решительно запротестовал.

— Я не вижу смысла в этой связи, поскольку здесь уже имеюсь я. Предложение т. Акима оторвало бы от нашей и без того малочисленной группы одного человека, а это вряд ли сейчас нам выгодно...

... Эге, брат, да ты, кажется, и впрямь того, — подумал Аким, пристально всматриваясь в бегающие, по собравшимся, мышиные глаза Никиты.

Товарищи высказались за предложение Акима.

Никита сидел подавленный и больше уже не выступал до конца собрания.

В ту же ночь, выбранный для связи забойщик Звягин покинул Ириновский рудник.

За Никитой установили слежку.

Прошло дня два.

На соседнем руднике арестовали человек сорок шахтеров и с поездом отправляли их в Мочульск.

Ириновцы бросили работу и вышли на станцию.

Остановили поезд и вызвали коменданта.

— Мы не пропустим вас дальше.

Щеголеватый штабс-ротмистр дернул плечом и, положив руку на кобуру, спокойно заметил:

— А мы вас расстреляем.

За спиной кое-кто бросился отцеплять вагон с арестованными. Их встретили конвойные.

Штабс-ротмистр вырвался из полукруга и подбежал к вагону.

— Предупреждаю,—кричал он, размахивая маузером: — если будет допущено самоуправство, я расстреляю сидящих в вагоне.

В окнах вагона мелькнули знакомые лица, в разбитое стекло кто-то высунул на палке красный платок.

И, как затравленный, бегал по полотну офицер и кричал:

— Отойдите от окон!.. Я прикажу стрелять!.. Прочь, прочь от окон!..

Продолжать наступление было бесполезно. Поезд медленно двинулся дальше. Арестованные запели „Интернационал". Шахтеры покинули станцию, но в тот же день об'явили забастовку.

Шли обыски и аресты. Аким скрывался в шахтах. Ночью к нему на квартиру пришел наряд казаков.

— Где муж?—бросились они к Маше.

— Вам лучше знать.

— Отвечай, сука, — и казак, схватив ее за руки, отбросил на пол.

Дети подняли крик.

С руганью казаки ушли. А в это время к Акиму прибежал Филатыч и сказал о прибытии Звягина.

— Никакого т. Никиты ревком не посылал и даже не знает о нем. Сейчас он забегал ко мне и просил назначить сегодня собрание. Надо полагать, что он и нас выдал.

Собрание перенесли в Ирину.

Аким подошел к Никите и сообщил ему о подозрениях.

Никита возмутился.

— Как вы смеете? Кто вам дал это право? — кричал он, схватив Акима за руку. — Я старый подпольщик и не вам судить меня!.. Это вы своим прибытием разваливаете организацию.

Но в это время из темноты вышел Звягин и, вцепившись ему в плечо, крикнул:

— Слушай, сволочь. Я был в ревкоме, тебя не только никто не посылал, но даже не знают.

Никита растерялся от неожиданности. Бледный, с нависшей на глаза потной прядью волос, он прижался к стене и нервно подергивался.

— Товарищи... глухо проговорил он, поднимая голову, и так с минуту смотрел на окружавших его шахтеров.

— Товарищи...

Закрыл лицо ладонями и упал на колени.

— Идем, — поднял его за ворот Звягин: — мы такой гадине не товарищи.

Его вывели на поверхность. Аким молча вытащил наган и приставил к виску.

— Братцы, простите, — кричал, извиваясь, Никита.

— Не хнычь... Будь доволен, что пулей кончаем...

Раздался выстрел. Филатыч нагнулся над еще теплым трупом, зачем-то прикрыл веки и сплюнул в сторону.

— Собаке — собачья смерть.

— Теперь вот что, товарищи,—сказал Аким, когда вновь спустились в шахту— нужно воспользоваться забастовкой и поднять восстание. Не сегодня — завтра придут наши.

Но сделать этого уже не пришлось. На рассвете казаки покинули рудник, а Аким и Филатыч взялись за организацию полка шахтеров.

14

В полдень прошли на Мочульск четыре эшелона красных и два бронепоезда. Следом за ними двинулся полк шахтеров.

Шахтеры развернулись рассыпным строем в форме полукруга.

Неприятель не давал ни минуты покоя и засыпал снарядами.

На вокзале вспыхнул пожар.

Неприятельские выстрелы стали быстро редеть.

Шахтеры подтянулись к запасным путям. Стрельба шла из-под вагонов.

Белые засели внутри вокзала и в полуподвальном этаже.

Потери красных стали вновь увеличиваться. Кое-кто из шахтеров укрылся за вагонами запасных путей. К ним бросился Аким:

— Товарищи!.. Что ж вы?.. Разве так поступают?.. Вы предаете своих товарищей.

Схватил винтовку и ринулся вперед. И с ним, за ним бросился шахтерский полк.

Будка.

Аким соединился с белыми телефоном.

На предложение сдаться, ответили руганью. И вот тогда Аким и Филатыч с ручными бомбами пробрались к станции и бросили их в помещение.

На длинном шесте выкинули белый флаг.

В окна посыпалось оружие и сдавшиеся с поднятыми руками вышли на платформу.

В передних рядах шахтеров послышалась ругань и насмешки. Кто-то подскочил к офицеру и ударил.

— Это что такое?—крикнул оказавшийся тут Аким:—Товарищи, вы должны оставаться спокойными...

Стоявший неподалеку полковник вытирал вспотевший лоб:

— Все равно. Не расстреляют сейчас— расстреляют потом. Какая разница.

Ночь.

Над городом плещется пламя пожаров.

Где-то ухают пушки, где-то работает пулемет.

Шахтеры выстроились на вокзальной площади.

Аким молча объехал ряды. Кое-где вспыхнули факелы.

Рядом с Акимом, держа факел в руке, шел Филатыч. Дойдя до Дворянской, полк остановился и вдруг, словно по команде, тысячеголосый крик вырвался из груди и гулом взрыва ударил в каменные громады домов.

Шанхай и Марокко

Китай — колоссальное, всенародное движение против империализма, борьба против национального угнетения.

Марокко — заливаемое кровью движение риффов за свою независимость.

Гигантские стачки в Китае и борьба кучки риффов — все эти явления одного и того же порядка. Это — империалисты сеют ветер, чтобы пожать бурю.

Положение в Китае после октября 1924 г.

Положение в Китае сложилось крайне своеобразно.

После событий в октябре прошлого года, закончившихся переворотом в Пекине, в котором главное участие принимал Фын-юй-сян — „христианский генерал“, обстановка стала совершенно непохожей на что-либо из происходившего ранее в Китае.

Основное положение, определяющее с тех пор эту обстановку — рост национально-освободительного движения в Китае. Этот рост национально освободительного движения в Китае далеко не случаен, он обусловлен перемещением тех сил в Китае, которые до того времени были главными двигателями.

При наличии мощного иностранного капитала в Китае, обстановка в нем в значительной степени определяется влиянием той или иной группы иностранных капиталов и их взаимоотношениями между собой.

До последних прошлогодних событий преобладающее значение занял после известной борьбы англо-американский капитал, настолько тесно работавший между собой, что его работу можно было считать работой блока. Япония, чье влияние было также весьма значительно, наибольший вес имела в Маньчжурии, где Чжан-цзо-лин был верным проводником японского влияния, боролась за влияние в центральном Китае, где у нее были крупные интересы в Шанхае (текстильные фабрики), в долине Ян-цзы (железоделательные заводы), отчаянно цеплялась за остатки экономического преобладания в Шаньдуне.

В результате прошлогодних октябрьских событий, когда ставка на У-пей-фу оказалась битой и победил Чжан-цзо-лин, т. е. иначе говоря — Япония, обстановка радикально переменилась. Политическое влияние Англии и Америки сразу резко пало, в то время, как политическое влияние Японии быстро поднялось вверх.

Китайские национальные и революционные силы, в общей сложности питающие национально-освободительное движение с падением англо-американского политического влияния и усилением роли Японии, ввиду создавшегося сравнительного равновесия этих двух основных иностранных сил в Китае — получили возможность более или менее свободного выхода на всекитайскую арену.

Это равновесие дало возможность национально-освободительному движению выйти из узких рамок действия только в пределах одной Гуандунской провинции, в одном только Кантоне и развить широкую деятельность по углублению и расширению освободительного движения во всем Китае.

Поэтому даже политика китайского правительства, особенно в первое время его существования непосредственно после переворота, была полна самых неожиданных противоречий. Правительство приглашает Сун-ят-сена к участию в реорганизационной конференции, несмотря на то, что Сун-ят-сен издает в Кантоне манифест, в котором высказывает свои взгляды на формы реорганизации Китая, формы, которые вряд ли улыбались пекинскому правительству. Правительство лишает б. императора остатков его прерогатив и регалий и об'являет его простым гражданином. На банкете в честь Октябрьской революции, премьер Ван-фу спрашивает советов у тов. Карахана, наперед зная, что первый и единственный совет мог бы только отменить все неравные договоры. Само правительство, правда весьма неопределенно, говорит о необходимости отмены этих неравных, грабительских договоров, источника всех бедствий Китая

Все эти мероприятия весьма нервировали иностранных империалистов, тем более, что они возглашались с правительственной трибуны.

С приходом к власти Дуан-ци-чжуя обстановка, правда, несколько изменилась, но изменилась она потому, что политическое влияние Японии не переставало возрастать и равновесие, которое было установилось между англо-американским и японским влиянием, несколько нарушилось в пользу Японии. В результате этого национально-освободительное движение начало несколько ущемляться уже складывающимся преобладанием Японии в современном Китае. Но равновесие не было настолько нарушено, чтобы национально-освободительное движение было задавлено.

Поэтому национально-освободительное движение, возглавляемое Гоминданом, не только не заглохло, но продолжало развиваться, захватывая все новые и новые массы китайского населения.

Первые забастовки в феврале 1925 г.

В этой обстановке пробуждающегося и растущего национального освободительного движения, роста сознательности рабочего класса Китая, произошли первые забастовки в Шанхае и Циндао.

Безусловно рост сознательности рабочего класса Китая оказал чрезвычайное влияние на возникновение и самый ход этой забастовки. Но основная причина была в невероятно тяжелом экономическом положении рабочих на японских и английских текстильных фабриках в Китае. Некоторое, хотя и отдаленное представление о положении рабочих на текстильных фабриках Шанхая дают „труды комиссии Шанхайского муниципалитета“ образованной для обследования детского труда в Шанхае.

Эта комиссия не зафиксировала тех фактов, которые ей удалось наблюдать во время своего обследования, ибо это было бы все же открытое признание буржуазией своего безмерного позора. Но уже по тем мероприятиям, которые рекомендовала эта комиссия, можно судить об условиях детского труда:

1) Применение детского труда не ниже 10 летнего возраста, при чем возраст ребенка определяется не по документам, а по внешнему виду;

2) Ограничение детского труда до 14 летнего возраста 12 часовым рабочим днем, при чем ночной труд для детей разрешается;

3) Предоставить рабочим один час в течение рабочего дня на завтрак и обед;

4) Предоставить детям один свободный от работы день каждые две недели.

Комиссия констатировала, что заработок кули на фабриках не превышает 8 китайских долларов в месяц, в то время, как прожиточный минимум равен 16 китайских долларов.

Конечно, комиссия ничего не упомянула о том, что сплошь и рядом работают даже пятилетние дети, при том работают по 12—14 часов в сутки без воскресного отдыха, без возможности принять пищу среди дня. Конечно, комиссия не упомянула о безмерном истощении детей на этой непосильной работе. Комиссия умолчала также и о том, что почти ни один китайский рабочий фактически не может иметь семьи, так как ему нечем содержать даже и самого себя.

О положении начавших забастовку текстильщиков в Циндао лучше всего говорит их воззвание, которое они выпустили вскоре после начала забастовки.

„Мы, текстильщики, работаем ежедневно более 12 часов и получаем за это около 10 центов. Японские предприниматели оскорбляют и избивают нас систематически изо дня в день и слово „рабы без отечества“ стало у них нашим прозвищем. Между прочим необходимо по крайней мере 20 центов, чтобы прожить один день. Как же мы можем существовать? И дети и взрослые у нас работают по 13 часов в день, находятся под постоянной угрозой избиений и даже расстрелов со стороны японцев. Нет слов, нет человеческой речи, чтобы изобразить наше положение! Мы как без матери и кто кроме нас самих защитит нас от этого? Поэтому мы захотели организоваться в союз, чтобы помогать друг другу—„бедные за бедных“. Но японцы узнали о нашем намерении и с револьверами в руках пришли на наши квартиры, сделали обыск, избили нас, разгромили наши вещи и арестовали трех наших товарищей, которые до сих пор подвергаются пыткам. Японцы допрашивают их и издеваются над ними, говоря: „Вы — рабы, какой же вы можете организовать союз“?

Первая забастовка в Шанхае началась 9 февраля с требованиями: 1) принятие обратно уволенных рабочих, 2) прекращение побоев и истязаний, 3) увеличение заработной платы на 10% (в дальнейшем на 20%),

4) регулярная выплата заработной платы каждые две недели, 5) прекращение увольнений без всяких причин, 6) уничтожение системы штрафов, 7) выдача удержанной части жалованья и 8) право организоваться в профсоюзы.

Среди рабочих было произведено немедленно же до 50 арестов, при чем наиболее активное участие в арестах принимала, как и следовало ожидать, иностранная полиция в Шанхае.

Действия полиции вызвали организованный отпор рабочих, которые вступили в открытые столкновения с администрацией фабрики и полицией. При аресте тов. Цай-жи хуа—студента, толпа бастующих атаковала полицейский участок, чтобы освободить его и других арестованных, но китайская полиция, подкрепленная силами иностранной полиции, главным образом индусами, дала несколько залпов, в результате которых было около 30 человек раненых.

Вскоре забастовка охватила 22 фабрики с общим количеством рабочих в 40.000 человек. Забастовка продолжалась 17 дней и окончилась частичной победой рабочих. Рабочим удалось добиться: 1) отмены телесных наказаний для рабочих, 2) регулярной выдачи заработной платы два раза в месяц, 3) неувольнения за забастовку, 4) своевременной выдачи дополнительного вознаграждения рабочим, 5) освобождения всех арестованных.

Капиталисты отказались повысить заработную плату, хотя бы на 2%, и отменить беспричинные увольнения рабочих.

Расстрел рабочих 30 мая с. г.

Эта победа рабочих, хотя и неполная, сильно встревожила иностранных предпринимателей в Китае. Империалисты хорошо знали, что за экономическими требованиями неминуемо следуют и политические и потому начали деятельно готовиться к реваншу.

Японские предприниматели получили от своего правительства категорическое предписание ни в коем случае не уступать и вести борьбу во что бы то ни стало, при чем японское правительство обещало своим предпринимателям всяческую поддержку.

Вскоре японскому правительству представился и удобный случай засвидетельствовать преданность интересам своих промышленников. В Циндао рабочие, возмущенные вводом на одну из фабрик полиции, забастовали. Японские промышленники, с большим основанием ожидавшие помощи от своего правительства, об'явили расчет забастовавшим рабочим, а японский консул пригласил китайскую полицию и японских моряков на помощь против рабочих. Начались стычки между рабочими и полицией, при чем рабочие захватили три фабрики и забаррикадировались в них.

Обеспокоенный таким поворотом событий, японский посланник в Китае — Иошизава, пред'явил резкий протест китайскому правительству с требованием принятия мер против забастовавших рабочих.

Китайское правительство – игрушка в руках империалистов, не нашло ничего лучшего, как отдать распоряжение о прекращении „беспорядков". Полиция, поддержанная японскими моряками с истребителей, спешно переброшенных из Порт-Артура, повела наступление против рабочих, две фабрики сдались, третья упорствовала. Полиция открыла огонь, было много убитых и раненых.

Одновременно с этим происходили крупные демонстрации против иностранного угнетения в Шанхае. Когда демонстранты приблизились к иностранному кварталу — английская полиция без всякого предупреждения открыла огонь против безоружной толпы. В результате было убито много студентов и рабочих, а ранено еще больше. По всей стране прокатилась громадная волна возмущения таким беспримерно-наглым поведением иностранной полиции на территории Китая. Начались демонстрации рабочих, студентов и всего китайского населения во всех крупных промышленных городах. Общее возмущение было настолько велико, что захватило даже мелкобуржуазные и торговые круги. В Шанхае начались забастовки во всех отраслях промышленности, при чем к забастовке под давлением общественного мнения примкнули даже торговцы, которые закрыли магазины и лавки в Шанхае. Забастовали грузчики, матросы, коммунальные рабочие, домашняя прислуга, конторские служащие, печатники и пр.

Шанхай замер и только колоссальные демонстрации, происходящие уже при явном сочувствии и китайской полиции, будили замирающую жизнь города и заставляли иностранных предпринимателей принимать все новые и новые меры предосторожности.

Грандиозные митинги рабочих и студентов по всей стране выносили резолюции протеста и требовали: 1) освобождения арестованных рабочих и студентов, 2) прекращения локаутов на японских фабриках, 3) полная свобода собраний союзов, печати и прав стачек, 4) отмена права экстериториальности иностранцев, удаление из Шанхая иностранных войск и военных судов, упразднение консульских и смешанных судов, 5) упразднение иностранного городского самоуправления в Шанхае, передача городских дел в руки избранного китайского самоуправления и роспуска иностранной полиции, 6) наказание убийц рабочих японских фабрик и полицейских, виновных в расстреле рабочих 30 мая, выдача пенсий семьям пострадавших и формальное извинение иностранного муниципалитета, 7) запрещение телесного наказания на фабриках, 8) улучшение гигиенических условий и защита женского и детского труда на фабриках.

Если рассмотреть все эти требования, то только некоторые могут быть названы с известной натяжкой чисто экономическими требованиями, остальные же носят глубоко политический характер, при чем некоторые определенно и прямо направлены против иностранного угнетения в Китае. И в этом **заострении борьбы против иностранного империализма—весь смысл и все значение теперешних расстрелов**, ибо пролитая кровь вызвала настолько сильный взрыв негодования во всем Китае, что просто замазать все эти события, как раньше, империалистам уже не удается.

Позиция империалистов.

Вскоре после расстрела шанхайских рабочих и студентов, демонстрировавших против насилий на японских фабриках английской полицией, **устанавливается как бы единый фронт всех местных империалистических сил.** Америка устами своих профессоров и миссионеров в Китае, осторожно осуждающая английские и японские насилия в Шанхае, вместе с тем посылает с Филиппин суда в Шанхай и высаживает на-ряду с другими империалистами свои войска для „защиты жизни и имущества иностранцев в Китае“, а любящие спорт американцы даже не прочь поохотиться в узких шанхайских переулках за кули.

Но в дальнейшем с **развитием забастовочного движения**, с ростом общественного негодования, единый фронт начинает давать весьма чувствительные трещины. При таком колоссальном возбуждении **единый фронт становится определенно невыгодным** не только „нейтральным“ странам, но и прямо заинтересованным сторонам, как Англия и особенно Япония; последняя недавно вынесла на своих плечах всю тяжесть бойкота своих товаров китайцами и знает великолепно, что это стоит. Полезно найти какой-то об'ект, на который можно было бы свалить всю вину, чтобы самим остаться в стороне.

Первые попытки свалить всю вину на красных эмиссаров на „советские деньги“ сразу же провалились, ибо даже для китайских младенцев, которых расстреливала английская полиция, было совершенно ясно, чья вина. Американские газеты, а за ними и японские начали говорить, что собственно дело не столько в большевиках, сколько в „методах“ и в экономике. Одна английская пресса, которой при круглой вине английских полисменов в Шанхае крыть совершенно нечем, упорно держится пока еще версии о „темных большевистских кознях“, но и то тон ее становится уже менее уверенным.

Англия попыталась было вначале проявить свойственную ей твердость и строгость приемов и требует полной солидарности в выступлении от остальных держав. Интересы Англии, кругом виноватой в последних расстрелах вместе с Японией, требуют выступления общим фронтом, ибо иначе все внимание и вся ненависть китайского народа концентрируется в первую очередь на Англии и во вторую на Японии, и Англия имела все основания становиться в позу защитника общих интересов и требовать общего фронта, ибо последний затушевывал роль Англии в этих событиях.

Но друзья по первому этапу событий вовсе не склонны таскать каштанов для Англии и предпочитают, чтобы это проделала она для них. Японская печать, конечно, по указанию свыше начинает кампанию, в которой „раз'ясняет“ Англию. Осака-Майнити, анализируя позицию Англии, высказывающуюся за политику репрессий, говорит, что „в этом пункте Япония безусловно должна разойтись с Англией. Среди требовании

забастовщиков есть много таких, которые не являются плодом агитации и которые побуждают рассмотреть вопрос о деятельности в Китае“.

Возмущенная до глубины души столь черной неблагодарностью Японии, из солидарности с которой английская полиция расстреливала рабочих и студентов в Шанхае, английская пресса в Китае начинает делать разоблачения, публикуя под огромными заголовками „Японские попытки изолировать Англию“. Газеты заявляют, что в Шанхае была сделана ошибка тем, что защищались японские интересы и что полиция считала выступление против японцев, выступлением против дружественной державы.

Одним словом Англия раскаивается, что оказала столь дружественную услугу японским промышленникам, которые оказались столь неблагодарны, что пытаются свалить всю вину на Англию же.

Таким образом, формально единый фронт, который имел место на очень короткий срок среди империалистов в Китае, фактически уже треснул и эта трещина будет все более и более углубляться и расширяться, правда до известных пределов, дальше которых начнется новая политика империалистов по отношению к Китаю.

Если мы возьмем несколько цифр, то ясно станет причина столь быстрого расхождения интересов Англии и Японии — двух основных участников последних событий в Китае. Во-первых самое значение торговли с Шанхаем, как главным портом в Китае, через который идет больше половины всей торговли и во-вторых, положение иностранной промышленности в Китае.

В Шанхае было в 1923 году американских — 165 фирм, английских — 228, японских — 1.047, германских — 70.

Хлопчатобумажных фабрик в Китае, которые в настоящее время особенно затронуты забастовкой, в 1923 году было:

	Китайских.	Английских.	Японских.	Всего.
Фабрик	73	5	41	119
Веретен.	2.112.154	250.516	1.218.544	3.581.214
Станков.	13.689	2.863	5.925	22.477

Из этого количества в Шанхае — китайских фабрик — 24, японских — 30, английских — 5, при чем одни японские фабрики об'единяют капиталов 170 миллионов долларов.

Общий тоннаж судов, посетивших Шанхай в 1924 году был равен 31.528.426 тонн повысившись, по сравнению с 1921 годом, когда было 22.686.647 тонн на 8.831.779 тонн, при чем Англия в 1924 году имела 36,27% всего тоннажа, Япония — 24%, Китай — 15%.

Большая часть торговли Японии с Китаем идет через северный и центральный Китай и Гуандун, как раз более всего захваченные забастовочным и антиимпериалистическим движениями. Эта забастовка при среднем месячном обороте японской торговли в 70 миллионов иен, наносит ежедневно ей общий ущерб в 2 миллиона иен, а Англии на еще большую сумму, не говоря уже о промышленности, каковая терпит еще большие убытки.

Опасность китайской контр-революции.

Эти многомиллионные убытки, которые терпят империалисты и являются сейчас тем бродилом, который раз'едает трещину в их взаимоотношениях, а стремление ввязать своего конкурента в беду и на этой беде немного подзаработать—еще более углубляет эту трещину.

Но как мы уже сказали выше, эта трещина будет расширяться только до известного предела. Раз раскаченное китайское народное море прийти в прежнее состояние не сможет очень и очень долгое время, даже если бы империалисты в охватившей их панике не подливали масла в огонь. Движение разрастается и захватывает все новые и новые массы в Китае. И в этом движении народных масс таится смертельная опасность для империализма в Китае. Борьба китайского народа за свое освобождение становится все ожесточеннее и движение упорно и неуклонно заостряется против самой системы империализма в Китае. Попытки отдельных империалистов свалить вину друг на друга, отвлечь внимание на своего соседа, очевидно, не увенчается успехом, так как вопрос стоит уже не в том, чтобы наказать физических виновников расстрелов, вопрос стоит уже гораздо шире — Китай борется за свою самостоятельность, за отмену нерав-

неправых договоров, за уничтожение организованного грабежа Китая империалистами. Такая постановка вопроса ставит под угрозу все основные интересы иностранного капитала в Китае в целом. С развитием национально-освободительного движения, с его углублением и расширением, а что оно будет расширяться, в этом нет никаких сомнений, иностранный капитал в Китае станет перед угрозой своего окончательного изгнания. И в поисках выхода из положения, империалисты во-первых будут стремиться к хотя бы формальному об'единению фронта, а во-вторых, будут искать силу, которая смогла бы задавить национально-освободительное движение в Китае. Такая контр-революционная сила, когда каждое вмешательство иностранных вооруженных сил будет вызывать новый взрыв национального освободительного движения, естественно должна быть китайского происхождения.

И такая сила уже есть в Китае — сила, готовая к услугам иностранного капитала,— Чжан-цзо-лин.

Чжан-цзо-лин, вросший своими корнями в иностранный империализм, питающийся его соками, зреющий под его влиянием, уже и сейчас представляет опаснейшую контр-революционную силу, которую китайское национально-освободительное движение уже и сейчас должно учитывать как своего злейшего врага, ибо хотя он и жертвует в пользу пострадавших и забастовщиков 20.000 долларов, но вместе с тем посылает войска в Шанхай, чтобы не дать развиться „беспорядкам", посылает для этой же цели войска в Пекин, держит в железной узде всю Маньчжурию.

Как бы то ни было, одно сейчас ясно: национально-освободительное движение в Китае разрастается, первый период единого формально империалистического фронта в Китае кончается, начинается период разногласий, который будет продолжаться при дальнейшем расширении национально-освободительного движения только до известного предела. Дальше империализм, возможно, опять единым фронтом выдвинет против национально-освободительного движения контр-революционные силы в лице Чжан-цзо-лина, столкновение которого с революционными силами Китая будет решающим. Если победит Чжан-цзо лин—воцарится беспросветная реакция и новый разгул империалистов во всем Китае, если победит революционные силы, китайские события вступят в свой новый, высший этап.

Марокко.

В то время, как в Китае развертываются события, которые своей грандиозностью превосходят все, что до сего времени в Китае происходило, на другом конце земного шара развертываются события, которые по своему размаху, правда, не достигают размеров китайских событий, которые по количеству вовлеченных в действие масс, правда, значительно уступают событиям в Китае, но по своему характеру, по своему результату, весьма близко подходят к шанхайским событиям. Только другие персонажи, только другие лица, но цель и методы борьбы и даже доказательства правоты империалистов, которые во множестве расточаются перед лицом всего мира, остаются теми же. Буржуазия ничего нового не сумела выдумать для прикрытия своих аппетитов, для морального оправдания голого грабежа и захвата.

Вскоре после того, как испанцы потерпели весьма тяжелое поражение, Франция, которая, как это выяснилось из крайне интересного документа, оглашенного тов. Дорио в парламенте, упорно подготовлялась к занятию области риффов, начала осуществлять свои стремления. Начались фактические военные действия с маленьким племенем риффов, за которым не было никакой вины, кроме желания иметь свободу и самостоятельность. Тов. Кашен, выступая от коммунистической фракции в парламенте, при напряженном внимании всей палаты напомнил, как Франция и Испания, заключив тайное соглашение между собой и тем анулировав свою собственную подпись под договором 1904 года, которым гарантировалась свобода и независимость для этой маленькой страны в обмен на компенсации, данные Англии в Египте и доказал, что французские военные группы идут по пути военного захвата области риффов. Кашен предостерегает, что военные действия против риффов приведут к пробуждению магометанского Востока, которое началось уже в Турции и Египте.

Французские коммунисты в парламенте категорически потребовали независимости племени риффов и прекращения фактической войны с маленьким свободолюбивым народом.

Как и следовало ожидать, в лагере врагов началась несбычайная мышиная возня. Бриан — мининдел Франции, заявив сначала, что никаких переговоров с Абдул-Керимом— вождем риффов, не было, на другой день от этого своего категорического утверждения отказался. Социалисты, устами Реноделя, заняли свою постоянную позицию поддержки своей буржуазии. Заявление Реноделя фактически повторяет те же слова и напевы, которые раздавались в 1914 году со стороны социалистов вначале мировой войны. Социалистическая партия вовсе не требует эвакуации Марокко. Ренодель ничего не хочет от своих хозяев, он просит у них только информации, ибо „нападения врагов начались 18 апреля, а во Франции об этом ничего не знают“ (в конце мая). Также беспокоят Реноделя и потери во французских войсках, но конечно, не потому, что гибнут пролетарии, что гибнет цвет Франции, что кровь льется за какие-то совершенно чуждые пролетариям интересы. Это его беспокоит очень мало. Он обеспокоен за хозяина. Ему кажется, что его хозяин—буржуазия Франции слишком расточительна, „ибо речь идет об интересах Франции. Как раз когда у Франции недостаток в рабочей силе, мы не допустим новых жертв в Марокко“. Одним словом весь вопрос сводится к сохранению рабочей силы для буржуазии. Если бы этой рабочей силы было достаточно, как например в Китае, то конечно, отчего не пострелять эту излишнюю рабочую силу, раз интересы капитала этого требуют. Но во Франции этой силы весьма мало, поэтому нужно стать в позу и добиться прекращения истребления этой рабочей силы. Хорошая позиция!

Но положение сейчас во Франции несколько иное, чем в 1914 году. Война тогда застала революционную часть рабочих неподготовленной, в частности во Франции не было революционной партии рабочего класса, которая немедленно же об'явила бы войну войне. В настоящее время уже есть, правда немногочисленная, но зато крепкая и сплоченная коммунистическая партия—и она, эта партия, показала себя достойной партией Коммунистического Интернационала. Сразу же после марокской авантюры, эта партия заняла позицию непримиримой борьбы против нее и ведет эту борьбу весьма успешно, пользуясь каждым случаем, чтобы раз'яснить рабочему классу истинный смысл происходящих событий. Никакие репрессии не страшат ее и результаты на-лицо. Авторитет французской Коммунистической партии за это время необычайно возрос, на ней начинает концентрироваться внимание всех революционных элементов страны.

Но вместе с тем и буржуазия не дремлет: ей необходимо указать подставных виновников этой войны, чтобы тем самым отвлечь внимание усталых народных масс от себя— истинного виновника всех этих событий. Начинают пускать для общего употребления версию о большевистских агитаторах, о коммунистических пропагандистах, о московских деньгах. Напр., „Матэн“ от 3/VI в бульварных тонах повествует о „таинственном молодом человеке, который незадолго до возникновения событий раз'езжал по области риффов, ведя разговоры с испанскими и французскими коммунистами и роль которого в антифранцузской пропаганде была, повидимому, весьма значительна“.

Пенлеве после поездки в Марокко с несомненностью обнаружил присутствие и работу „агентов Коминтерна“, о чем не преминул доложить общественному мнению.

Но вся эта кампания, плохо сшитая белыми нитками, определенно не удается, тем более, что как на зло в это самое время неосторожный начальник гражданского кабинета маршала Лиотэ пишет своё знаменитое письмо, в котором с похвальной обстоятельностью излагает те мероприятия, которые принимались французским военным командованием в Африке. Мероприятия, которые не дают никакой возможности свалить вину за события на коммунистов и Коминтерн.

Тем не менее против коммунистов, разоблачающих истинную сущность событий и призывающих рабочий класс к сопротивлению этой авантюре, принимаются драконовские полицейские меры: уже создаются процессы коммунистов по обвинению в государственной измене, уже начинаются массовые аресты коммунистов.

События в Китае и Африке только начало.

События в Африке и Китае только начало новых грядущих потрясений. Эти события наглядно показывают всю цену устойчивости и крепости капиталистического строя.

Когда начинают приходить в движение сотни миллионов колониальных рабов, то капиталистический мир начинает трещать и по всем швам разваливаться.

События в Китае будут развиваться все с большей быстротой и глубиной. Если даже империалистам удастся задавить великое национально-освободительное движение китайского народа при помощи контр-революционных сил, в лице Чжан-цзо-лина и других генералов, то движение это не будет задавлено окончательно, оно только в худшем случае уйдет вглубь.

И новое движение китайского народа тогда начнется на более высокой стадии, чем оно началось в настоящее время.

А движение маленького, почти безоружного народа риффов за свою независимость, встречая поддержку французского и мирового пролетариата, тем самым перерастает рамки маленького инцидента, каковым оно было бы до мировой войны 1914 года и Октябрьской революции и становится большим мировым событием, которое с одной стороны показывает пределы разложения и хищничества империалистов, а с другой сигнализирует мировому пролетариату опасность.

И взятые вместе эти события, соединенные с глубоким брожением народов Востока, приближают нас к тому моменту, когда мировой пролетариат, во главе с коммунистическими партиями, пойдет в свой последний бой.

Б. Семенов.

Восстание на „Потемкине“

По запискам участника т. Кирилла.

(К двадцатилетней годовщине).

Бунт на „Князе Потемкине“ не был фактом случайным и неожиданным; это частичный, преждевременный взрыв обширного, смело задуманного плана всеобщего восстания, которое должно было охватить огненным кольцом весь русский черноморский флот. Овладев приморскими крепостями, русская революция приобрела бы неприступную базу для дальнейших завоеваний. Бомбардируя побережье, организуя высадку войск, она могла бы поднять весь юг, а отсюда распространиться на остальную часть обширного государства. Это восстание должно было вспыхнуть в июле, во время больших морских маневров. Как известно, несчастный инцидент с тухлым мясом преждевременно вызвал бунт на „Князе Потемкине“ и разрушил весь план.

„Князь Потемкин Таврический“, первый броненосец в мире, поднявший красное знамя, составлял наиболее крупную боевую единицу Черноморского флота. В мае месяце броненосец делал первые опыты стрельбы; настоящее артиллерийское испытание было назначено в июне месяце, в бухте Тендер.

Отплытие броненосца было назначено на воскресенье 12 июня. Действительно, в этот день, в 2 часа пополудни „Князь Потемкин“, снялся с якоря, развив в машинах нормальную скорость пошел по направлению к Одессе, где и находилась вышеупомянутая бухта. Волнение, шум и суета, сопровождавшие отплытие парохода, сменились полной тишиной. В плавающем судне работа, главным образом, если не исключительно, сосредоточена в машинном отделении, и на „Потемкине“ машинное отделение, в некотором роде, играло роль революционного клуба. В данный момент, в клубе царило необычайное оживление. Здесь подвергался новой обработке план восстания, столько раз уже дебатированный и обсужденный. Все отлично понимали, что как только сигнал к восстанию будет дан с „Екатерины II“ первым делом придется избавиться от офицеров. Но какими путями? Здесь мнения расходились. Одни, преимущественно, штундисты, хотели во что бы то ни стало избежать кровопролития; они советовали просто арестовать все начальство. Другие, и среди них Звегородский, — один из наиболее влиятельных членов комитета, говорили, что революция не обходится без жертв. Во-первых, они предусматривали, что сопротивление со стороны офицеров заставит прибегнуть к оружию; во-вторых, они думали, что убийство двух или трех, наименее популярных из них, втянет в восстание и самых нерешительных матросов привыкших дрожать перед начальством.

Все другие пункты плана восстания, исключая времени и места, были разработаны всесторонне. Выбрали уже начальников — „старшин“ на различные роды служб. Сговорились насчет сигналов; первым сигналом удачного восстания будет красное знамя, водруженное на месте Андреевского флага.

В разговорах матросов высказывались и обсуждались предположения всякого рода, взвешивались все шансы на успех.

В понедельник, утром, 13 июня, подходили уже к острову Тендер. В тот же день, в 1 ч. пополудни, миноносец № 267, временно прикомандированный к броненосцу, поднял якорь и отплыл в Одессу, под командою поручика Клодта; за ним уехало за провизией и несколько матросов с „Потемкина“, во главе с лейтенантом Макаровым. Вечером, в 10 часов, с‘естные припасы были переправлены на борт судна; мясо было подвешено на высокое и прохладное место, на спардеке; а дежурные матросы стали помогать поварам чистить картошку и капусту для завтрашнего супа; при этом, матросы, сопровождавшие Макарова, рассказали товарищам, что в Одессе происходит всеобщая забастовка, и благодаря этому, они могли купить только часть необходимой провизии. Во вторник, в 5 часов утра, матросы, как обычно, уже были на ногах. Одевшись и помолившись, начали мыть палубу. Один из них, обратив внимание, что мясо издает сильную вонь, подозвал товарищей. „Ведь оно кишит червями“, заметил матрос, поближе рассмотрев кусок мяса. Шум

быстро разнесся по всему судну и через несколько минут вокруг мяса образовалось тесное кольцо. Сходка становилась все больше и привлекла внимание вахтенного офицера: узнав о причине, он пошел предупредить командира Голикова. Спустя несколько минут, последний, в сопровождении старшего врача явился на палубу. Врач подходит к мясу, важно надевает пенсне, проводит носом по поверхности мяса и, как человек, привыкший дисциплину ставить выше здоровья матросов, заявляет строго: „Это ничего не значит! Время летнее. Мясо хорошее; достаточно его слегка помыть соленой водой и удалить места, где завелись черви“. Об'яснение, данное человеком науки, вызвало ропот среди матросов. Недовольство было сильно. Поведение врача, его ответы, речи и жесты Голикова, — все это вызвало самые неучтивые толки об обоих офицерах. С свойственным им недоверием, матросы решили, что эти господа раньше между собой сговорились, и осмотр мяса был просто комедией. Отчасти, это было справедливо. Врач хотел угодить Голикову; последний старался быть строгим, чтобы не позволить матросам „капризничать“. Мясо, которое сторожил дневальный, было назначено для следующего дня; другая половина уже варилась в котле. Но, если мясо сегодня уже никуда не годится, то каково оно будет завтра? — раздумывали матросы, стоя за работой в различных отделениях судна. Наконец, пришли к такому решению: никто не должен дотронуться до супа. Матросы, у которых есть деньги, купят себе провизию в судовой лавке, другие будут есть сухой хлеб и воду. „Но супа мы не желаем! Если он нравится Смирнову и Голикову, пусть они его сами едят!“. Вот лозунг, который, с быстротой молнии, облетел весь бак и ют, был сообщен всем механикам, артиллеристам, учебной команде и дежурным матросам дневной и ночной смены.

Когда час завтрака настал, никто не пошел за своим баком (чашкой). Столы оставались пустыми.

Вахтенный офицер тотчас же доложил об этом офицеру, а тот командиру. Несколько минут спустя, Голиков уже был на юте и справлялся на кухне о причинах отказа матросов, иезуитски притворяясь, что он их не знает. „Матросы не хотят есть супа из-за червей — отвечает повар Данилюк — они требуют масла и чаю“ — „Созвать всех, всех без исключения!“. Левенцов приказал барабанщику бить к общему сбору.

Через несколько минут, все матросы, исключая тех, которые не могли бросить машины, выстроились в несколько рядов по бокам юта: налево — матросы дневной смены, направо — ночной. Старшие унтер-офицеры, фельдфебеля, кондуктора, — все стояли на своих местах, рядом с матросами. На минуту исчезнувший командир появляется, становится на кнехт, окруженный двумя врачами и всеми офицерами, исключая механиков, обедавших в каюте, и обращается с речью к матросам: „Вы кажется, недовольны супом! Хорошо я запечатаю чашку с этим супом и отправлю в главное управление в Севастополь, но я вас предупреждаю, ничего хорошего для вас из этого не выйдет“. Следует маленькая пауза. Командир продолжает: „Я говорил уже вам и повторять не буду, что ждет матросов забывших дисциплину. За это вашего брата вон там вешают!.. И он пальцем указал на Нок-мачту. Командир на минуту остановился, наблюдая впечатление своих слов, а затем, продолжал. „Пусть те, которые согласны есть суп, станут сюда!“.

Кондуктора и двое-трое унтер-офицеров выступили вперед; остальные матросы, унтер-офицеры и фельдфебеля остались на местах.

„Ну-ка, Ну-ка! Спешите — вы!“ кричал рассвирепевший командир. Никто не трогается. Из задних рядов раздается ропот и протесты.

„Ага, вы не желаете повиноваться: я вам покажу! Виновники от меня не уйдут!“. Пронзительным резким голосом он отдал приказ вызвать караул. Среди матросов началось общее движение.

„Бесполезно упорствовать“, — заметили некоторые. „Выйдем из рядов и пойдем все в сторону башни“, сказал Матюшенко и один из первых сделал несколько шагов к башне, окружавшей двенадцати дюймовые орудия. Все последовали его примеру. С левой стороны уже не оставалось никого; на правой стороне было еще человек 20—30 из задних рядов, не успевших присоединиться к товарищам. Но в этот момент старший офицер Гиляровский, стоя рядом с Голиковым, вдруг отдал приказ отставшим матросам не трогаться с места. „Нет, уже достаточно, оставайтесь здесь!“ — кричал он, и вместе с вах-

тенным офицером Левенцовым заградил им дорогу. Когда некоторые из них хотели убежать через люк, ведущий через адмиральскую каюту, Голиков, стал возле люка, не пропуская никого и кричал: „Назад, этот выход не для вас!".

Караул, состоящий из 27 матросов, уже был на юте. „Окружите их", приказал Гиляровский, указывая на кучку матросов. Понимая низкую роль, которую ему навязывали, караул подвигался нехотя. „Я повторяю, окружите их!" „Боцман, велите принести брезент!" — Еще мгновение, и белый саван, которым на военных судах покрывают приговоренных к смерти, закроет от матросов весь окружающий мир.

Решил ли Гиляровский итти до конца? Думал ли он сыграть комедию, чтобы напугать матросов и заставить их выдать зачинщиков? Этот секрет он унес с собой в могилу. На судне, как и в воздухе, царила гробовая тишина; это продолжалось секунду. „Братья, отчего вы нас покидаете?" крик отчаяния, вырвавшийся у матроса Вакулинчука, пробудил матросов, собравшихся вокруг башни, из их оцепенения; воздух наполнился ропотом, протестами, восклицаниями. „Они хотят их расстрелять! Но мы не должны этого допустить! довольно терпеть!". Несколько матросов скрылись через вход в центральную батарею.

Со всех сторон раздавались крики: „не стреляйте, это ваши братья! Не стреляйте!" Громче всех кричал матрос артиллерист Вакулинчук, стоявший во главе окруженной группы. Григорий Вакулинчук—старший унтер офицер—был в глазах начальства „негодяем". Гнев Гиляровского достиг высшей точки, когда он увидел перед собой Вакулинчука.

— Стреляйте, — скомандовал Гиляровский.

— Не стреляйте, мы — братья, —произнес Вакулинчук, делая движение головой.

Караул стоял, не поднимая ружей.

При новом отказе, ожесточение Гиляровского превратилось в безумие. Он бросается на ближайшего матроса караула, Горчака, и отнимает у него ружье.

Вакулинчук успел решиться на крайний шаг. Со словами „До каких же пор мы будем рабами!" он хватает ружье одного из караульных и исчезает позади орудийной башни. Гиляровский бежит за ним. Но прежде, чем он его догнал, до ушей офицеров, матросов и стражи долетает ужасный шум, крик человеческих голосов, стук прикладов об пол. „Кто мутит там матросов?"—кричит командир Голиков. „Я знаю это—каналья Матюшенко!" отвечает Гиляровский, и исчезает за башней, преследуя Вакулинчука.

В то время, когда Вакулинчук крикнул матросам, стоявшим близь башни, „почему вы нас покидаете", несколько человек, с Матюшенкой во главе, вошло в центральную батарею, где находились пирамиды с ружьями. При возгласах: „К оружию! Довольно терпения! Наших братьев расстреливают! Долой тиранов! Да здравствует свобода!" часть матросов разобрала ружья, другая пошла ломать двери в патронные погреба, чтобы достать патроны. Матюшенко, с ружьем в руках, выходит на ют, но, не имея еще патронов, он останавливается, при входе в центральную батарею. Офицеры еще надеялись подавить бунт. Полковник артиллерии Неупокоев ходил, с одного конца юта на другой, и кричал: „Всех их под суд, всех!" Командир Голиков приказал маленькой группе безразличных матросов, которые оставались на юте, заявлять свои имена вахтенному офицеру Левенцову, „чтобы не смешать их с бунтовщиками". Затем, он направился с другими офицерами ко входу в центральную батарею, чтобы рассеять матросов. Здесь он сталкивается с Матюшенко, который с ружьем в руках охранял вход, ожидая патронов. „Чего ты хочешь сумасшедший? Брось винтовку!" крикнул командир. „Никогда, пока я жив." —„Бросай оружие, я приказываю!"—„Убирайтесь, броненосец уже не ваш; он принадлежит нам, он принадлежит народу". И Матюшенко, с размаху, бросает в командира снятым с винтовки штыком. Пролетев мимо, штык вонзается в пол, в нескольких шагах от Голикова. Тогда, Матюшенко, ударом приклада, хочет убить своего врага; последний делает быстрое движение; ружье падает на пол и с шумом ломается. Взять другое ружье в центральной батарее и возвратиться снова на ют было для Матюшенко делом одной минуты. Вдруг, поднимаясь по адмиральской лестнице, появляется привидение, одетое в черное. Это поп Пармен, держащий в руках серебряный крест и поднимающий его к небу. „Мир с тобою, мой сын". — „Убирайся, халдей, убирайся, пьяница!" и Матюшенко слегка дотрагивается

прикладом ружья до церковно-служителя. Поп бросает крест и торопясь убежать, падает на пол.

Получив патроны, Матюшенко заряжает ружье и первым выстрелом убивает старшего артиллерийского офицера Неупокоева, возле адмиральского люка. Его тотчас же выбросили в море.

Неупокоев был убит первым из офицеров, но он был не первой жертвой этой печальной драмы. В нескольких шагах отсюда лежал смертельно раненый Григорий Вакулинчук.

Старший офицер Гиляровский догнал Вакулинчука позади башни в левой части судна. Прежде чем он успел защититься, пуля попала ему прямо в грудь.

Матюшенко встречает Гиляровского в тот самый момент, когда он, выстреливши в Вакулинчика, снова вернулся на ют. Не теряя времени, он прицеливается в него, но промахнулся. Также безуспешно Гиляровский стреляет в Матюшенко, и видя свою неудачу, кричит находившемуся тут матросу: „застрели мне эту канальюˮ. Испуганный матрос бросает ружье и убегает. Гиляровский поднимает заряженное ружье и стреляет в стражу, но прежде чем раздался выстрел, пуля ударяет его в спину и, смертельно раненый, Гиляровский, шатаясь, падает на пол. Думая, быть может, что рана не опасна и рассчитывая, что выстрелив, матрос постарается убежать, не встретив сочувствия в остальных матросах, или, просто, по привычке офицеров действовать угрозами, хотя бы и бессмысленными, Гиляровский обратился к Матюшенко с следующими предсмертными словами: „Ага, я тебя знаю каналья! Ты убежишь теперь на сушу, но я сумею тебя найти!ˮ Матюшенко возразил: „Ты не успеешь болван: я отправлю тебя юнгой к Макаровуˮ. Подобно Неупокоеву, Гиляровского выбросили за борт.

В этот момент раздался ружейный залп со спардека, куда успело подняться человек 20 вооруженных матросов: ясно, что движение разрасталось.

Тогда офицеры, кондуктора, унтер-офицеры, часть матросов и караульные бросились, не взирая на опасность, по адмиральской лестнице, через пушечные амбразуры, чтобы спастись в нижней части броненосца. Другие, схватив спасательные круги, прямо бросились в море. Самые смелые, наконец, взяли из козел оружие и присоединились к восставшим товарищам. Секунду спустя, ящики с патронами были на юте. Матросы бросились к ним, и ножами, штыками и просто руками отрывали жестяные крыши. Через несколько минут охватил все части судна страшный, неудержимый ураган, грозивший все поломать и все унести на своем пути. Революционные возгласы сливались с криками мести.

Все страдания и унижения, все что довело матросов до этого взрыва, все чувства, с трудом скрываемые в тайниках души: ненависть, злоба и презрение к своим офицерам,—все теперь вырвалось в диких, кровожадных криках, взывающих о мести. Стреляли по всем направлениям, но больше всего в воду, куда бросилось много офицеров и матросов, стараясь спастись на миноносец, или на деревянный щит. „Офицеры, где офицеры? Подайте нам офицеров!ˮ кричали со всех сторон, и матросы, небольшими группами, ходили разыскивать начальство.

„Не нужно мстить в одиночку!ˮ кричали более влиятельные, „нужно вывести офицеров на ют и судить их в присутствии всего экипажаˮ.

Среди этого шума появляется поручик Вильгельм Тон. „В воду его, в воду!ˮ кричат матросы. Но офицер делает знак, что он хочет говорить, и бушующая толпа внезапно утихает. Тон считался офицером умным, энергичным, справедливым, хотя и строгим и был уважаем большею частью матросов. Матросы замолкли и стали его слушать. „Я с тобой хочу говоритьˮ, обратился он к Матюшенко, который подвинулся к нему. Но потому-ли,—что он не верил добрым намерениям Матюшенко, державшего в руках свое ружье, или потому, что считал его главарем движения, с устранением которого мятеж прекратится и матросы покорятся,—только вместо того, чтобы говорить, Тон поднимает револьвер и стреляет два раза в Матюшенко. Первая пуля пролетела мимо и ранила в руку другого матроса; вторая оцарапала висок Матюшенко. Матрос механик Шестидесятый, выхватил револьвер офицера, но выстрел из ружья сделал предосторожность излишней. Тон был убит и выброшен за борт, как Гиляровский и Неупокоев.

В это время группа матросов вела переговоры у дверей адмиральской каюты, куда скрылись Голиков и прапорщик Алексеев.

Несмотря на настойчивое требование матросов, они не хотели впустить их, и только

когда начали ломать двери, Голиков сдался. Обоих офицеров нашли совершенно раздетыми, готовыми броситься в море. Командир Голиков предчувствовал свою судьбу и, перед ожидавшей его смертью, совершенно потерял присутствие духа. Высокомерный, жестокий начальник умолял теперь тех самых матросов, которых он сегодня утром хотел расстрелять. Увидев Матюшенко, он бросается к нему на шею и сквозь слезы просит пощады: „Я согрешил перед всем экипажем; прости меня, брат мой...“ — „Я лично ничего против тебя не имею“, отвечает тот, „как матросы решат“. — „На нок командира, на нок, которым он грозил нам сегодня утром!“—кричали матросы. Вид дрожащего, жалкого старика не успокоил матросов. Толпа осыпала его упреками и бранью. „Довольно, довольно ждать! Всадить ему пулю, которую он заслужил!“ Командира отвели на несколько шагов дальше; раздался залп. Труп Голикова выбросили в море.

„Пощадите меня, братья; я такой же матрос, как и вы: у меня жена и дети!“ так умолял матросов прапорщик Алексеев. — „Мы не тронем тебя, но обещай привести нас в Одессу!“ Алексеев сейчас же согласился быть командиром судна. Но, и без этого обстоятельства, матросы не убили бы его; его любили за товарищеское отношение.

В первый момент борьбы, под непосредственным впечатлением жестокости офицеров всеми революционерами овладела ненасытная жажда мести. Даже штундисты были охвачены общим вихрем и стреляли, не считая пуль. Но казнь Голикова вызвала реакцию. Несознательные матросы, видевшие в бунте только акт личной мести, вероятно, продолжали бы еще, но были же и матросы сознательные, руководимые общей политической идеей. Они не думали, конечно, о личной ответственности, потерявшей всякое значение при таких обстоятельствах; они думали об ответственности перед делом, за которое хотели бороться. Для этого дела, теперь, когда броненосец в их руках, когда главный преступник, Голиков, казнен, кровопролитие становилось бесполезным и даже вредным. Ведь это революция, а не мятеж! „Дело народа больше не нуждается в крови!“ Крик был услышан. Казни прекратились.

В это самое время, квартирмейстер 1-й статьи Матюшенко, выдвинутый событиями, об'яснил товарищам, собравшимся на юте, всю важность революционного момента, в который они начали борьбу за освобождение русского народа. Благодаря своей смелости, решительности и хладнокровию, Матюшенко уже приобрел то сильное влияние на матросов, которое он сумел удержать до конца. Его речь и речи других матросов, членов революционного комитета, Никишкина, Звенигородского, Резниченко, развертывали перед матросами план восстания. Товарищи высказывали уверенность, что их выступление не будет единственным, что за ними последует вся эскадра. Речи встречались криками: „Долой самодержавие! Да здравствует свобода!“

В это время, в Одессе, 13-го июня, произошла кровавая схватка городских рабочих с казаками. Возбуждение создалось страшное и 14-го ожидалась всеобщая забастовка, которая, судя по приготовлениям местных „опричников“ и настроению в массах, неминуемо должна была вылиться в форму открытого политического восстания.

В четыре часа пополудни, матросы, принявшие команду различных частей, заранее назначенных им планом восстания, об'явили, что все готово к отплытию. Первой мыслью их было отправиться в Одессу на помощь братьям—рабочим, поддержать их в борьбе за свободу.

В дальнейшем судьба „Потемкина“ сложилась так: из состава Черноморской эскадры к нему присоединился еще броненосец „Георгий Победоносец“. Последний, однако, оставался верным революции в течение всего лишь 24 часов. Главными вдохновителями предательства и измены явилось здесь офицерство. Офицерам „Георгия“ была предоставлена возможность свободного передвижения на корабле. За ночь им удалось распропагандировать команду, убедить ее в бесцельности и гибельности мятежа, и утром „Георгий“ снялся с якоря, чтобы итти в Севастополь. На требование „Потемкина“ остаться—последовал отказ. „Потемкин“ навел орудие на изменивший революции броненосец, но тот обманным маневром скрылся за волноломом. Растерянность и полное смятение охватило команду „Потемкина“.

„Потемкин“ решил итти в Румынию за углем и продовольствием. В Констанце его не впустили в порт и корабль наудачу отправился в Феодосию.

Перепуганные феодосийские власти согласились дать уголь и продовольствие.

Но когда моряки грузили припасы на катере, военное начальство, уверившись в „преданность“ солдат, произвело предательское нападение на моряков. Многие были убиты.

Затравленные потемкинцы, не встречая нигде поддержки, увидели что их восстание не приводит к желанным результатам. Большая часть матросов потребовала сдачи и корабельный ревком вынужден был уступить.

„Потемкин“ вновь отправился в Румынию и в Констанце сдался на условиях свободного проезда матросов в любую страну. Броненосец был занят румынскими частями и спустя несколько дней передан пришедшей из Севастополя эскадре.

Матросы рассеялись по Европе, пробрались в Америку и Австралию и судьба огромного большинства их неизвестна.

О пролетарской литературе

Разнообразие толков о пролетарской литературе может привести в отчаяние читателя, доверчиво обратившегося к статьям и брошюрам на эту тему. В самом деле: в то время как одни говорят о достижениях пролетарской литературы, намечают ее пути, пытаются построить историю пролетарской литературы, другие рассуждают о том, есть ли у нас пролетарская-то литература вообще, и отвечают, что не только нет, но не будет и быть не может.

Последнее утверждение звучит как будто бы совсем парадоксально для марксистского слуха. Известно, что всякий класс имеет свою идеологию, вообще, и, следовательно, поэтическую идеологию в частности Почему же мы отказываем рабочему классу в своей поэзии?

В последние годы этот вопрос поднял и заострил Л. Троцкий. Пролетариат принципиально отличается от всех прежде господствовавших классов. Он класс последний, его господство составляет кратковременный период перехода к бесклассовому обществу. Пролетариат просто не успеет создать своей культуры. Он, не в пример буржуазии, выступил на арену истории, не обогащенным культурно, и за короткий промежуток времени хорошо если успеет воспринять лишь достижения всей культурной сокровищницы до него созданной. Потому что свою культуру можно строить лишь на фундаменте старой.

Следовательно, вопрос строительства **пролетарской культуры** заменяется работой в области **пролетарского культурничества**. Таким образом, допролетарская культура явится фундаментом не для пролетарской, а для социалистической, следовательно бесклассовой культуры.

В отдельных отраслях жизни, тесно связанных со своей непосредственной борьбой, пролетариат создал свой стиль, но отдельные элементы пролетарского опыта не создают еще пролетарской культуры, которая является «развернутой и внутренне-согласованной системой знания и умения во всех областях творчества». Системой, а не отдельными элементами. Пролетариат не имеет собственной культуры.

То, что до сих пор принималось за таковую, это лишь пролетарские элементы культуры.

Совершенно очевидно, что спор здесь лежит в плоскости сплошь терминологической. Творчество переходной эпохи должно ли именоваться культурой или нет? В этом весь вопрос. Но поскольку и в переходную эпоху пролетарское творчество (литературное в том числе) не отрицается, постольку теория Троцкого отнюдь не разрешает вопроса о пролетарской литературе, а лишь ставит его на рассмотрение.

Делать отсюда априорные выводы о мифичности пролетарской литературы невозможно, а они были сделаны.

«Пролетарского искусства нет» — сказал Л. Троцкий. Самое название употребляется им совершенно условно, как обозначение того, что обычно называлось этим именем.

«Пролетарское искусство» (в кавычках! Г. Д.) проходит через ученичество, рассеивая элементы художественной культуры вширь, ассимилируя новому классу, пока еще в лице очень тонкой прослойки, старые достижения».

И так, утверждается, что т. наз. пролетарская литература не имеет собственного лица. Она находится на выучке у буржуазной литературы с тем, чтобы популяризо-

вать ее достижения среди подготовленных слоев пролетариата.

Совершенно несомненно, что пролетарская литература действительно имеет много точек соприкосновения с литературой буржуазной. Но это обстоятельство еще не лишает ее собственной, пролетарской физиономии.

Дело в том, что всякий новый класс обильно черпает из литературы ино-классовой то, что приемлемо для него.

При этом совершенно неизбежны случаи, когда обратившись к литературе класса — антагониста, новый класс на-ряду с нужными ему элементами, черпает и враждебные. Это тем более возможно, что литература старая стоит по своим техническим достижениям гораздо выше литературы молодого класса, едва выступившего на литературную арену. Но не единичные случаи, конечно, задают тон всей литературе.

Бывает даже, что нечистота классового характера литературы является из'яном не литературы, как таковой, а соответствует невысокому уровню всего классового сознания.

Так пролетарская литература в России до революционного периода много черпала из народнической литературы. Это об'яснялось близостью русского рабочего того времени к крестьянству. Он еще чувствовал себя крестьянином, оторванным от полей и перенесенным в царство машин.

Естественно, что деревенская жизнь природы представлялась ему потерянным раем. Протест против гнета капитала сопровождается протестом и против города, против машины — поработительницы.

Это роднило его настроение с народническими мотивами в поэзии.

Родство это вполне естественно и закономерно. Мы не можем даже сказать, что народническая поэзия оказала на него дурное влияние, что он попал в плен к ней. Нет. Он разумно использовал ее сообразно своим целям. Гораздо сложнее обстоит дело с усвоением ино-классового опыта пролетарской литературой последующего времени.

Пролетарская литература первых лет революции, — периода военного коммунизма — для выражения бурных, романтических настроений борьбы, победы, для отображения огромных горизонтов перед классом стоящих, обратилась к буржуазной поэзии нео-романтизма, господствовавшей и обще-признанной в те годы.

Поэзия всякого упадочного класса характеризуется стремлением уйти от действительности, отгородить себя от реального мира, создать себе ту искусственную среду, куда мог бы спрятаться поэт от невыносимой для него повседневности.

В своем отходе от действительности буржуазные символисты занялись отысканием сокровенного смысла вещей и явлений, который нельзя понять (еще бы!), но можно лишь почувствовать поэту.

Основой стиля этой поэзии стала метафора, т.-е. замена реальной вещи другим понятием, почему-либо ее напоминающим.

Настроения пролетарской литературы эпохи военного коммунизма естественно также были ярко-романтическими.

Радость победы, вера в близость наступления социалистического рая совершенно исключали возможность спокойно-трезвого бытоотображательства. Напротив, в стремлении к грядущему, пролетарская поэзия совершенно естественно прониклась тенденцией ограндиозить те, досадно-обыденные для обывательского зрения явления и вещи, которые являются мощными рычагами развития человечества и пролетарской победы.

Завод, который сплотил пролетариат и закалил для борьбы — можно ли было изображать его во всей его конкретной обыденности, со всеми индивидуальными его особенностями и деталями. Это было попросту не интересно.

Завод — с прописной буквы — завод вообще — такой образ был гораздо естественнее.

Также не соответствовало настроению момента и реалистическое изображение рабочего, конкретного русского рабочего, такого, каким он был тогда. Рабочий класс победил, он — исполин, он — титан. Он — рабочий вообще. Рабочий с прописной буквы. Его молот кует счастье для всего мира и т. п.

Такова психологическая подпочва пролетарской поэзии того времени с ее под конец уже ставшими шаблонными темами и образами: завод, рабочий, железо, серп и молот, красная звезда и т. п.

Так метафорический стиль проник и в пролетарскую поэзию.

Так образовались точки соприкосновения литератур двух враждебных классов.

И тут, и там было стремление за гранью повседневности увидеть нечто большее, чем прозаически-реальные вещи. У одних (бур-

жуазные нео-романтики) эта потребность вызывалась пассивным желанием уйти от реальной жизни в запредельные миры, увидеть «за реальным — реальнейшее», т.-е. чисто мистические настроения и переживания.

У других (романтики пролетарские) это же стремление вызывалось желанием увидеть реальный мир в его подлинной значительности и грандиозности.

В пролетарской поэзии тех лет метафорический стиль являлся лишь средством поэтического преображения действительности, в то время как поэзия символистов видела в своих метафорах и символах подлинную сущность реальной действительности. Их стиль является средством отображения того «реальнейшего из миров», который поэты-символисты, каждый по своему «прочувствовали» в своем творческом «наитии».

Мистицизм и индивидуализм — такова психологическая подоплека поэзии символистов.

Нечего и говорить, что в пролетарской поэзии не было и следа этой метафизической неразберихи. Героизм и коллективизм — таково психологическое основание символистского стиля пролетарской поэзии.

Совершенно очевидно, что пролетарская литература в данном случае, отнюдь не ограничилась популяризацией достижений старой литературы. Она ее лишь использовала в меру собственных классовых потребностей.

Но все же, при такой опасной близости с поэзией декадентов совершенно неизбежны были случаи извращения классового характера пролетарской литературы, путем усвоения непролетарских настроений.

Вот для примера, стихотворение М. Герасимова:

В железе есть чистость
Призывность, лучистость
Мимозово-нежных ресниц,
Есть флейтовы трели,
Зажглись и сгорели
В улыбках восторженных лиц
и т. д.

Утверждение красоты железа—конечно идея пролетарская. Но здесь мы собственно видим опоэтизирование железа, отыскание в нем именно того, что делает его не похожим на железо, а приближает к традиционным предметам воспевания дворянства и буржуазии: нежные мимозы, трели и т. п.

В общем же и целом, пролетарская поэзия этих лет достаточно полно отразила пафос эпохи военного коммунизма. Об этом красноречиво говорят лучшие произведения поэтов группы «Кузница» (М. Герасимов, В. Кириллов, В. Казин, Санников и др.). Но настроения отвлеченного героизма были естественны лишь в первые годы русской революции в ее т.-наз. «героический период», когда грядущее казалось ближе, чем на самом деле. Тогда были совершенно естественны обобщающие образы; поэтому самому — несколько бесплотные, романтические настроения, по этому самому—несколько расплывчатые.

С переходом к новой экономической политике, центр внимания переместился к непосредственному хозяйственному строительству. Естественно, что художество опустилось с высот романтической абстракции и оглянулось простым глазом без символических очков на пройденные, но не отмеченные им героические годы революционной борьбы на фронтах и не менее героическую действительность, исполненную борьбы на фронте хозяйства.

Внимание мелочам—этот лозунг пролетарской политики стал также и лозунгом пролетарского искусства.

Период романтический сменился эпохой реализма. Группа пролетарских писателей «Октябрь» теоретически обосновала эту новую художественную политику пролетарской литературы.

Довольно неба
И мудрости вещей,
Давайте больше простых гвоздей!
Откиньте небо! Отбросьте вещи!
Давайте землю
И живых людей!

писал А. Безыменский, обращаясь к поэтам «Кузницы». Революция реальная, ее быт, ее герои малые и большие — таковы темы пролетарской литературы этого периода. Коммунист, комсомолец, рабфаковец, рабочий у станка—ее персонажи.

Вместо лирики, господствовавшей в предшествующий период, теперь намечается эпическая (повествовательная) тенденция.

Поэты, до каких же пор
В своих стихах не развернете,
Рабочим нужное давно,
Эпическое полотно?

(А. Безыменский. «Пролог»).

Даже более: проза стремится вообще оттеснить стихотворчество на второй план.

На этом новом пути пролетарская литература опять-таки столкнулась с допролетарским литературным опытом. Вся буржуазно-разночинческая и дворянская литература шла под знаком реализма. Так, например, классики являются величайшими мастерами реалистического письма.

Реализм классиков является отражением, как мы говорили выше, буржуазного и дворянского строя психики. Крайний индивидуализм, отсюда любовь к изображению мельчайших движений человеческой психики. Медленный темп жизни дворянско-буржуазной России, отображаемый медлительностью развития действия в романах и повестях, особой манерой построения фраз и т. п.

Другим источником заимствования для пролетарской поэзии явился футуризм, поэзия городской литературной богемы эпохи промышленного капитализма, также исполненная индивидуализма и всяческих вывертов и истерических кривляний. Но все же футуризм ввел в поэтический обиход ритм большого города, его шум, его обитателей, его технику.

Далее—к моменту перехода к НЭП'у появился новый писательский слой буржуазной интеллигенции, принявшей Октябрьскую революцию, но не понявшей ее конечных целей и значения.

Благодаря этому, изображение революции совмещается у них с националистическими и мистическими настроениями, иногда становится материалом для безыдейного бытописания, сдабривается беспринципным нигилизмом. Одним словом, эта попутническая литература продолжает традиции буржуазной литературы частью эпохи под'ема этого класса (классики), частью периода упадка (декаденты).

Но все же эти писатели являются «попутчиками» пролетариата и потому соприкосновение пролетарской литературы с ними совершенно неизбежно.

Таковы новые источники замутнения чистоты классового характера пролетарской литературы.

Отсюда исходит некоторое увлечение Ю. Лебединского психологизмом в «Неделе», ряд футуристических вывертов в поэзии А. Безыменского, Малахова и пр. Но в общем пролетарская поэзия и этого времени опять-таки имеет свое лицо.

Ее реализм отличается от реализма старой литературы. Пролетарских поэтов интересуют индивидуальные переживания их героев не ради самих этих переживаний и не ради изучения человеческой натуры вообще:

Петя! Тебя я взял,
Потому что ты осколок с тысяч,

говорит Безыменский о герое своей поэмы «Петр Смородин».

Такова формула пролетарского реализма.

Неудивительно, что в результате этой поэмы о конкретном Петре мы слышим:

«Гимн комсомольской весне
И стальной большевистской породе».

Отмеченное нами частичное замутнение классовой чистоты литературы лишает ли ее почетного звания пролетарской литературы? Допустим, что да. Но тогда что же эта за литература? Какого класса эта литература? Ведь мы не скажем, что бесклассовая?

Несмотря на все ее из'яны, какого класса психику организует наша литература?

Коллективизм—уверенный взгляд на будущее, героизм повседневной работы советского строительства и т. п. настроения, какому классу они свойственны? Буржуазии? Стоит только поставить вопрос прямо и конкретно, как вывод напрашивается сам собой.

«Но пролетарский писатель пользуется старыми методами при обработке художественного материала».

Значит —

«То, что называется пролетарским искусством, есть прежнее искусство, имеющее, однако, своеобразную целевую установку: быть полезным не буржуазии, а пролетариату»—возражает А. К. Воронский («Искусство и жизнь», стр. 99—100).

Итак, пролетарская литература использует лишь старые литературные приемы (старые формы), но приноравливает их к новым, к своим целям.

Как это возможно? Ведь цель-то достигается системой художественных приемов. А старые приемы были приноровлены специально для достижения старых же целей.

Значит, если признать, что пролетарская литература достигает новых целей, но как же можно говорить о том, что она живет лишь старыми «литературными методами»? Очевидно, она имеет свою **систему** художественных приемов. Значение же каждого отдель

ного художественного приема определяется той функцией, которую он в этой системе выполняет.

Отдельные старые литературные приемы в организме новой художественной системы получают совершенно другой характер, в зависимости от целеустремленности всей системы. Они перестают быть старыми.

Раз пролет. литературой достигнуты иные цели, значит мы имеем здесь не пассивное перенесение старых приемов, а их активное приспособление, т.-е. изменение.

Выше мы пытались показать, как, используя достижения старой литературы, пролетарская поэзия создает все же свой, отличный от старой литературы, стиль.

Для наглядности возьмем самый разительный пример использования, казалось бы, исключительно старых литературных приемов в баснях Д. Бедного [1].

С первого взгляда в своих приемах он лишь копирует старика Крылова. Однако, дело обстоит не совсем так. И здесь и там мы имеем общий принцип изображать типы людей в виде животных, деревьев (вообще в нечеловеческом виде). Но олицетворение: хитрец—лиса или свинья—неблагодарный у Крылова явления вовсе не того порядка, что фабрикант — паук, свинья — русский патриот или собака — «ваше благородие» у Демьяна Бедного.

В первом случае у нас—олицетворение человеческого порока, прием, могущий служить лишь целям добродушного морализирования. В другом случае — олицетворение общественного типа, могущее служить целям внушения классовой ненависти.

В одном случае материал для олицетворения взят из лукошка обывательской мудрости (хитер, как лиса), в другом выхвачен из горна пролетарских настроений (фабрикант—кровопийца). Только очень невнимательный или пристрастный взгляд может увидеть здесь пассивное перенесение «старого метода».

На деле мы здесь имеем не орудование старым приемом, а использование самого общего принципа для создания другого приема, нужного пролетарскому поэту для своих классовых целей. Другими словами, это именно то, о чем так усиленно хлопочет А. Воронский: усвоение старых литературных навыков.

Но не для безмолвного упивания их бессмертной красотой, а использование в качестве материала, отходя от которого, нужно создавать свое.

Несомненно отдельные произведения так называемой пролетарской литературы представляют собой целиком перепев старых формальных песен, но в этом случае они не дают и нового содержания.

Для определения классового характера каждого литературного произведения необходимо произвести детальный анализ его художественной телеологии. Совершенно недостаточно ткнуть пальцем на какой-либо художественный прием и сказать: встречали в буржуазной литературе. Нужно посмотреть в каком виде этот прием употреблен здесь, какую функцию он здесь выполняет. Когда марксистская критика произведет такую работу, только тогда выяснится об'ем пролетарской литературы. Несомненно, многое из того, что теперь считается произведениями пролетарской литературы только потому, что оно вышло из ассоциации пролетарских поэтов, мы вычеркнем из списка пролетарской литературы. Несомненно также, кое-что из произведений попутчиков, что теперь безоговорочно вычеркивается и третируется пристрастными критиками, войдет в состав пролетарской литературы. До тех пор, пока этого не будет сделано, все рассуждения о пролетарской литературе неизбежно будут висеть в воздухе и все традиционные классификации современной литературы (пролетарская, крестьянская, «попутническая» и т. п.) будут очень расплывчатыми, приблизительными. А для того, чтобы перейти к этому настоящему изучению пролетарской литературы, необходимо освободиться от всех предвзятых на нее взглядов.

Необходимо вычеркнуть те иронические ковычки, которые литературные староверы [1] поставили перед несомненной и единственно методологически-плодотворной формулой: новая жизнь—новое содержание—новые формы.

Г. Дружинин.

[1] Это о нем сказал Троцкий, что Демьян, оставляя своим собратьям писать в новой форме о революции, сам пишет в старой форме для революции.

[1] А. Воронский. «О пролетарском искусстве и художественной политике наших дней».

Изолированные органы и изучение их функций

Мы сроднились с мнением, что всякий орган нашего тела, будучи отделен от организма, лишаясь питания, перестает действовать, не может расти, чувствовать и т. п. Словом, жизнь в нем быстро прекращается, наступает смерть органа.

Без сомнения, все подобные изолированные органы умирают, хотя и не все в одинаковое время, если их предоставить самим себе. Но если поставить их в условия подходящего искусственного питания, то оказывается, что многие из них могут жить и работать даже в течение долгого времени.

Явления переживания органов были замечены вообще очень давно. Еще за 300 лет до р. Х., греческий философ Клеант наблюдал, что только что вырезанное сердце животных еще работает некоторое время— у теплокровных животных сравнительно не долго, у холоднокровных (лягушка, черепаха)—целыми днями.

Экспериментальное же изучение этих явлений началось сравнительно лишь в самое последнее время.

В 1906 году Локке и Розенгейму удалось оживить сердце кролика через 4 дня после его смерти. Что же касается человека, то даже еще несколько ранее, в 1902—1903 г.г., томскому профессору А. А. Кулябко, удалось «пустить в ход» вырезанное сердце ребенка через 20 часов после смерти. При этом Кулябко пропускал через кровеносные сосуды, заложенные в стенках сердца, питательную жидкость, нагретую до температуры тела.

Примеру Кулябко последовали как иностранные, так и наши отечественные исследователи, применяя во всех случаях один и тот же принцип.

Принцип этот очень прост и заключается в следующем: в артерию (идущий в орган кровеносный сосуд) изолированного органа вводится беспрерывной струей нагретая до температуры тела питательная жидкость, которая затем поступает, следовательно, в капилляры и заходит таким образом в самые отдаленные уголки органа, отдавая свои питательные вещества каждой клетке. Затем из капилляров жидкость поступает в вену (выходящий кровеносный сосуд органа), а затем наружу. Кроме того, часто еще самый орган помещают в теплую влажную камеру, в которой постоянно поддерживается как подходящая влажность, так и температура тела. Словом, стараются создать по-возможности условия, близко стоящие к нормальным.

Питательная жидкость содержит в своем составе некоторые вещества в том же количестве, как они находятся в крови, в том числе виноградный сахар, являющийся важным питательным материалом. По закону осмотического давления в высшей степени важно, чтобы питательная жидкость содержала солей именно столько, сколько (в °/₀°/₀) содержит их кровь, так как избыток их в жидкости повлечет за собой выделение воды из тканей, а недостаток—сильное разбухание последних и обеднение их солями, что, в свою очередь, повлечет за собой ненормальные изменения в органе.

Для составления питательной жидкости, английский исследователь Рингер дает рецепт для органов холоднокровных животных. В литре дистиллированной воды растворяют поваренной соли ($NaCl$) 6,0 *г*, хлористого кальция ($CaCl_2$)—0,1 *г*, хлористого калия (KCl) — 0,075 *г*, соды ($NaHCO_3$) — 0,1 *г*. Для органов животных теплокровных Локке видоизменяет этот рецепт, вводя туда еще виноградный сахар. На литр жидкости берут:

$NaCl$	9,0	*г*
$CaCl_2$	0,2	„
KCl	0,2	„
$NaHCO_3$	0,2	„
виногр. сахар	1/1,0	„

Жидкость эта получила название раствора Рингер-Локке (*Р-Л*).

Самый опыт, для быстрого демонстрирования работы изолированного серда кролика или кошки, производят обычно следующим образом.

У животного вскрывают на шее яремную вену и вставляют в нее трубочку (канюлю), через которую вливают теплый раствор (*Р-Л*). Рядом с яремной веной вскрывают и перерезают сонную артерию. Таким образом, входящая жидкость вытесняет собою кровь, выходящую через сонную артерию. Когда кровь вся выйдет, и из артерии пойдет уже чистая

Р-Л жидкость, тогда вскрывают грудную полость и вырезают сердце вместе с куском аорты. Вставляют в аорту,—а у крупных животных и человека прямо в венечные артерии,—стеклянную трубочку, через которую пропускают теплый *Р-Л* раствор, насыщенный кроме того кислородом. Теперь сердце питается через коронарные сосуды и прерванная деятельность его возобновляется. При тщательном соблюдении всех условий, сердце может работать несколько часов. Соединяя такое сердце с пишущим прибором, мы получаем изображение работы сердца в виде кривой.

Итак принцип заключается в том, что изолированному органу по возможности стараются предоставить нормальные условия. В данном же случае, мы имеем, с одной стороны, питание, правда, не полное, дыхание (кислород, насыщающий жидкость) и подходящую температуру (см. рис. 1).

Описанный метод оживления носит название метода Лангендорфа. Этим методом, с некоторыми вариациями, пользуются все современные исследователи, а в частности и исследователи школы покойного академика Н. П. Кравкова, который с большим успехом посвятил много труда изучению функций изолированных органов. В сущности, именно Н. П. Кравкову мы всецело обязаны тем, что это изучение дало так много блестящих результатов.

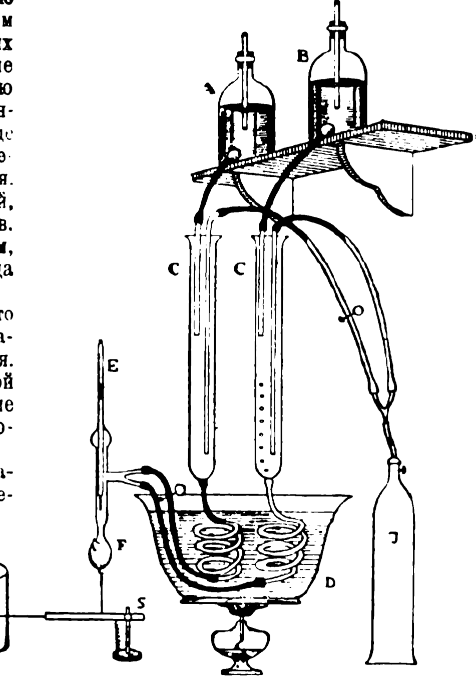

Рис. 1. Схема опыта с изолированным сердцем. *А*.—сосуд с питательной жидкостью. *В*—сосуд с ядом. *С*—трубка, в которых жидкость поддерживается на определенной высоте (соответств. давлению). *D*—сосуд, в котором происходит подогревание протекающей по змеевикам жидкости. *Е*—термометр. *F*—сердце. *G*—записывающий рычажок. *Н*—вертящийся цилиндр, на котором идет запись работы сердца. *I*—баллон с кислородом.

Совершенно таким же образом производятся опыты и с органами, взятыми у трупов людей и животных. При этом является всегда обязательным промывание кровеносных сосудов органов. Непромытые сосуды не пропускают питающей жидкости, и орган бездействует. Если, например, у сердца одна половина сосудов будет промыта, а другая нет, то работает только та половина сердца, сосуды которой промыты.

Академиком Кравковым придуман также способ консервирования изолированных органов. Консервирование заключается в осторожном высушивании. Орган, лишенный воды, высыхает, мумифицируется и может сохраняться в таком виде неопределенное время. Загнить такой орган не может, так как бактерии, обусловливающие обычно гниение, не могут жить и размножаться в сухой среде. Если такой мумифицированный орган осторожно, постепенно овлажнить и пропускать через него питательную жидкость, то он снова начинает жить и функционировать, как совершенно нормальный живой орган. Так, если человеческие пальцы, приготовленные подобным образом, поместим во влажную камеру, то у них сохраняется чувствительность к раздражениям. Кожа их выделяет пот, например, под влиянием пилокарпина; их температура выше окружающей на 1—1,5 градуса, даже начинают расти ногти и т. п.

Здесь сейчас нет никакой возможности перечислить все исследования, какие произ-

водились и производятся в настоящее время разными экспериментаторами над различными органами, начиная от головного мозга и кончая железами животных и людей. Придется ограничиться кратким описанием лишь самых главных, основных опытов, чтобы дать некоторое представление о важности и плодотворности подобных исследований.

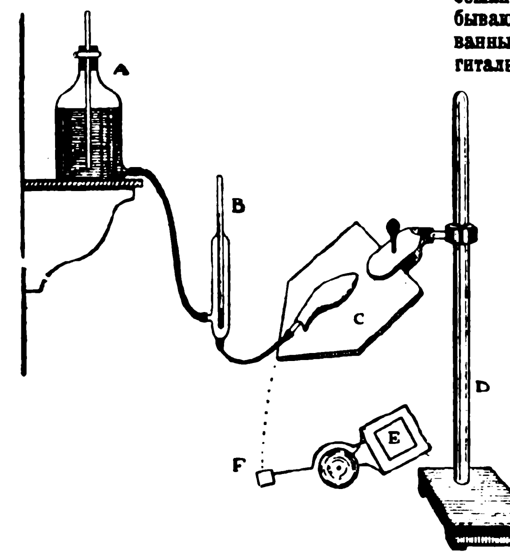

Рис. 2. Схема опыта с изолир. ухом, пальцем и т. п.

A—Сосуд с питательной жидкостью (сосуд с ядом не изображен). *B*—Термометр. *C*—Пятиугольная стеклянная пластинка, на которой прикреплено ухо (кролика.) *D*—Штатив. *E*—Приспособленный электр. звонок, на рычаг которого падают капли питательной плотности, прошедшей через ухо. При падении каждой капли получается удар звонка (удобство счета капель).

Исследование изолированных органов ведется в различных направлениях. Изучаются действия химических веществ (лекарств, ядов) и различных физических влияний. Изучаются и самые физиологические функции их, секреты желез, взаимоотношения между ядами и органами, химический состав секрета, действие этих секретов на животных и т. д. и т. д.

Сердцу уделяется, конечно, очень много внимания, как органу вообще важнейшему. Оказалось, что все так называемые сердечные яды действуют на изолированное сердце также, как и на сердце, находящееся в живом организме. Всем известное сердечное средство дигиталис, заключающее в себе действующее начало дигиталин, характерно заставляет сокращаться как неизолированное, так и изолированное сердце несколько реже обыкновенного, но зато эти сокращения бывают более энергичны. Опыты с изолированным сердцем показали, что действие дигиталиса направлено на самостоятельную нервно-двигательную систему сердца, что точкой приложения яда является конечный тормозящий прибор сердца. Возбуждая этот прибор, яд замедляет ритм сердца и увеличивает высоту отдельных сокращений. Другой яд—адреналин увеличивает высоту отдельных сокращений сердца, будучи прибавлен к питающей жидкости в совершенно ничтожном количестве. Концентрация адреналина 1 : 10 миллионов почти тотчас после начала пропускания через изолированное сердце вызывает уже сильное изменение деятельности этого органа. Даже в разведении 1 : 100 миллионов, адреналин еще продолжает действовать на сердце. Подобные же опыты показали, что от адреналина все кровеносные сосуды немедленно сильно суживают свой просвет, но сосуды сердца (так называомые корнарные) и легких, наоборот, расширяются. Это было доказано Кравковым на изолированных сосудах жабр, являющихся органами, аналогичными легким млекопитающих животных. Таким образом, вместе с изучением действия адреналина на сердце и его коронарные сосуды, а также легочные сосуды, была изучена и иннервация сердца и легочных сосудов. Исследования эти заставляют предполагать присутствие в указанных кровеносных сосудах расширяющих волокон симпатической нервной системы.

Очень плодотворным оказалось изучение изолированного уха (кролика). Ухо прекрасно переносит температурные колебания, техника с ним очень проста. Ухо в тоже время чрезвычайно чувствительно к разным возбуждениям. Все это дало возможность очень расширить применение экспериментов в области периферических кровеносных сосудов (см. рис. 2).

Изучение реакций сосудов изолированного уха показало, что ткани могут привыкать к некоторым ядам. Ткани могут вырабатывать приспособления для защиты себя от влияния ядов, т.-е. приобретают иммунитет. С другой стороны, зато, к некоторым ядам ткани могут проявлять и совершенно необычайно большую чувствительность. Изолированное ухо прекрасно позволяет изучать также действие температурных контрастов на сосуды, обнаруживающиеся в случаях резких перемен температуры—так наз. первичную реакцию, а затем и приспособляемость.

Изучалось также влияние белков на сосуды. При этом выяснилось, что чем сложнее структура белка, тем сильнее его действие. Чрезвычайно чувствительными оказываются сосуды к так называемым протеиногенным аминам. Яды, разведенные даже в миллиард раз, все-таки оказывают свое действие. Но еще более поразительным является то, что некоторые металлы оказывают свое действие даже в таких колоссальных разведениях, какие получаются, например, от трехчасового «настаивания» золота в воде и т. п. Известно, что медь, ртуть, серебро—практически нерастворимы в воде, но в химическом смысле они все-таки обладают, хотя ничтожной, растворимостью. Золото же и платина считаются абсолютно нерастворимыми в воде. И тем не менее «настой» из золота и платины все-таки производят свое действие на сосуды уха.

Это показывает, что животные ткани вообще необычайно чувствительны даже к самым малейшим количествам вещества, присутствие которого невозможно даже доказать никакими химическими или физическими методами.

Дальнейшее изучение сосудов изолированного уха дало возможность доказать самостоятельное ритмическое сокращение кровеносных сосудов—сокращения, не зависящие ни от сердца, ни от каких-либо других влияний. Такие самостоятельные сокращения способствуют продвижению крови в более мелких сосудах. Самое сужение или расширение периферических кровеносных сосудов узнается по количеству *Р-Л* жидкости, протекающей через органы в единицу времени. Обычно вытекающая жидкость капает отдельными каплями, количество которых в минуту очень удобно считать. При расширении сосудов, жидкости протекает больше; следовательно, количество капель увеличивается, при сужении—наоборот.

Подобные же результаты получены и при опытах с изолированными пальцами человека. Живая реакция кровеносных сосудов пальца на адреналин (сужение) получалась в одном случае даже через 12 дней после смерти человека. Сосуды пальцев, также как и сосуды уха, прекрасно реагируют на различные раздражения пальца, а также способны к самостоятельным ритмическим сокращениям. Но подобные реакции проявлялись в чистоте не во всех случаях, а иногда и вовсе не проявлялись, даже вскоре после смерти. Это случалось тогда, когда экспериментаторам приходилось иметь дело с кровеносными сосудами пальцев людей, умерших от различных тяжелых острых болезней (возвратный тиф). Так как исследования в подобных случаях часто производились почти непосредственно после смерти, то такую неспособность сосудов давать реакции на раздражение следует отнести за счет глубоких изменений, совершившихся в них еще при жизни благодаря болезненным процессам.

Изучение изолированных почки и селезенки показали, что кровеносные сосуды их также, как и сосуды пальцев и т. п. человека и животных в здоровом состоянии, дают в общем совершенно одинаковую жизненную реакцию, т.-е. одинаково отвечают на раздражения различными агентами. Это имеет огромное значение, так как дает право переносить результаты экспериментальных исследований над животными на самого человека.

Опыты с изолированной центральной нервной системой—головным и спинным мозгом дали менее удовлетворительные результаты, отчасти, повидимому, потому, что питательные жидкости не представляются совершенными даже для низших животных, отчасти еще потому, что самая методика исследования в этом случае довольно трудна. Жизнь мозга быстро прекращается, после замены крови жидкостью *Р-Л* и наступает паралич. Однако, если прибавить к питательной жидкости судорожный возбуждающий яд—стрихнин, то немедленно наступают общие судороги у лягушки, которая до того была совершенно обездвижена наступающим параличом центральной нервной системы. Это доказывает, что центральная нервная система

лягушки еще может некоторое время сохранять жизнь даже при полной замене крови *Р-Л* жидкостью.

Опыты с мозгом теплокровных животных дали отрицательные результаты. При промывании кровеносных сосудов мозга кролика наступает сильное возбуждение, а затем— быстрая смерть.

Таким образом, здесь мы видим еще пробел, который науке предстоит пополнить.

Зато гораздо плодотворней оказались исследования изолированных желез внутренней секреции.

Как известно, изучение этих органов, изливающих вырабатываемые ими инкреты непосредственно в кровь, хотя за последнее время и значительно подвинулось вперед, но все же в нем есть много еще темных сторон.

Опыты с переживающими железами внутренней секреции являются последними достижениями лаборатории Кравкова при его жизни. Опыты эти показали, что, например, изолированный надпочечник, питаемый *Р-Л* жидкостью, выделяет адреналиноподобное вещество очень долго, именно до 4—5 дней. При этом кровеносные сосуды надпочечника прекрасно реагируют расширением на раздражение кофеином и при повышении давления и температуры, протекающей питательной жидкости. Но эти сосуды зато почти не подвергаются действию самого адреналина[1] в смысле суживания просвета, даже иногда, наоборот, от действия последних они расширяются. Адреналиноподобное вещество, выделяемое надпочечниками при подобных условиях, дает те же самые реакции, что и обычный адреналин, но все же оно не вполне с ним одинаково. Особенности его заключаются в более стойком и сильном действии на сосуды. Кроме этого, следует отметить более длительное возбуждение, оказываемое им на сердце, к тому же и самые растворы адреналино-подобного вещества более прочны и стойки, чем растворы адреналина, которые обычно быстро портятся.

Изолированная щитовидная железа дала возможность получить ее инкрет в более чистом виде. Инкрет этот получил название тиреоидной жидкости. Тиреоидная жидкость обладает способностью слабо суживать кровеносные сосуды и ускоряет ритм изолированного сердца.

Поджелудочная железа также изучалась в изолированном виде. Инкрет ее, названный Кравковым панкреотоксином, будучи впрыснут животному, понижает в его крови содержание виноградного сахара. Здесь проявляется уже ясная идентичность панкреотоксина с инсулином, который вырабатывается поджелудочной железой, и недостаток которого является причиной тяжелой болезни— сахарного мочеизнурения. Замечается также некоторый антагонизм между внутренней секрецией надпочечников и внутренней секрецией поджелудочной железы. Опыты показывают, что усиленное выделение панкреотоксина из поджелудочной железы парализуется усиленным выделением адреналина из надпочечников.

Исследователи не ограничились изучением только функций нормальных изолированных органов животных и человека, но обратились также и к изучению органов патологически измененных. С этой целью, с одной стороны, вызывалось искусственное заболевание органа или всего организма, а затем производились исследования соответствующих органов. С другой стороны, изолировались и изучались функции органов животных и людей, погибших от различных заболеваний.

Результаты оказались замечательными. Так, например, производилось искусственное воспаление уха кролика (нагреванием горячей водой до 54° С или втиранием кротонового масла и т. п.) и таким образом достигалась возможность изучения состояния сосудов в различные периоды воспаления. Оказывается, что сосудистая реакция при этом сильно изменяется, именно теряется тонус самостоятельных ритмических сокращений, и нервы, заведывающие функцией суживания, почему-то бездействуют, зато преимущественное значение получают нервы-сосудорасширители. В результате получается об'яснение отека при воспалении, покраснение и повышение температуры на воспаленном месте.

Аналогичные расстройства сосудистой реакции были наблюдаемы также на сосудах почек кроликов, которым нарочно вводили почечные яды (мышьяк, сулема). Сосуды таких почек уже не так характерно реагировали на адреналин, кофеин и хлористый барий.

---

[1] Как известно, надпочечники вырабатывают азоенолин, вещество, сильно суживающее просвет кровеносных сосудов.

Изучение сосудистых реакций органов людей, умерших от различных болезней, также дало очень важные результаты.

Тяжелые инфекционные болезни (тиф—сыпной, возвратный) изменяют реакцию веночных сосудов сердца на яды. Склероз этих сосудов совершенно делает их нечувствительными к сосудистым ядам. Сосуды селезенки человека изучались после всевозможных заболеваний—скарлатины, кори, дифтерита, туберкулеза, истощения и пр. При этом в сосудах селезенки констатируется исчезновение сосудосуживающей реакции. Опыты показали, что если при жизни было установлено расстройство сосудистых функций, то подобное расстройство продолжалось и у изолированных органов, после смерти человека. Функционально угасшие со уды при жизни и после смерти организма, оказывались парализованными. В виду этого, можно вывести заключение, что, если по этой, именно причине у человека падает кровяное давление, то применение средств, повышающих его, следует считать безнадежным.

То же самое можно сказать и в отношении почек, пальцев и т. п.

Во всяком случае подобные опыты и наблюдения показывают, что открылась вообще чрезвычайно широкая возможность соприкосновения клинициста с экспериментатором-исследователем. В этом заключается неоценимая практическая польза метода изучения изолированных органов. Экспериментатор дает из своей лаборатории выводы для клинициста, клиницист в свою очередь дает материал для экспериментатора—и наоборот.

Изучение же изолированных органов умерших от разных болезьей дает возможность более тонкого, более детального распознавания еще прижизненных изменений в организме. До сих пор лишь одна патологическая анатомия пыталась изучить в подробностях все изменения, совершающиеся в органах и тканях при различных заболеваниях. Патологическая анатомия и гистология уже составили свою огромную классификацию подобных изменений, но все же этого было недостаточно часто даже для простого определения причины смерти. То же можно сказать и о методах судебной медицины. Описанная методика приходит теперь на помощь патологической анатомии. Трупный материал теперь представляет из себя не одну лишь безжизненную патолого-анатомическую картину: он теперь оживает в руках исследователей, он начинает сам рассказывать о тех изменениях прижизненных и посмертных, какие совершались в нем. Это более тонкий, более чистый, более изящный способ будущих исследований трупов умерших, способ, позволяющий с большей точностью нарисовать всю физиологическую картину болезненного процесса, приведшего организм к смерти. Способность же многих органов долгое время сохранять свою жизненность еще более делает ценным этот метод.

Что же касается изучения изолированных желез внутренней секреции, то в настоящее время еще невозможно в надлежащей мере даже оценить всех выгод его. Уже одна возможность получить инкреты в более чистом виде, чем прежде, важна сама по себе, так как до сих пор инкреты добывались из размельченных масс этих желез, путем настаивания их в различных жидкостях. Правда, самая *Р-Л* жидкость не есть вещество однородное, но соли, входящие в ее состав, не мешают чистоте действия инкретов. Поэтому, в данном случае мы имеем дело с самыми чистыми инкретами и самым чистым их действием на различные органы, вне зависимости от других каких-либо органов и вообще причин.

В виду далекой незаконченности разработки самой методики изучения изолированных органов и неисчерпаемости материала и задач, решение которых теперь становится все более и более возможным, мы в праве в будущем ожидать от этого метода еще более важных, еще более интересных результатов, тем более, что изучением самой методики изолирования и действия на изолированные органы различных агентов и пр. и пр. заняты в настоящее время много лабораторий с большим количеством исследователей.

А. Холопов.

Оплодотворение и партеногенез

Большинство животных и растений размножаются половым путем, т.-е. новый организм возникает в результате соединения яйцевой клетки самки с живчиком самца. Иначе говоря, в организме самки образуются одного рода половые клетки, в организме самца — другого, и только соединение половых клеток обоих полов дает начало новому организму; обычно же отдельно самка без самца не производит потомства. Слияние яйца с живчиком называется оплодотворением. Однако бывают случаи девственного развития яиц — партеногенез. С подробностями этого явления нам и следует познакомиться, так как с помощью его проливается некоторый свет на сущность явления оплодотворения.

Яйцо человека, из которого путем удивительно сложного развития в течение 9 месяцев получается младенец, очень мало: всего около 0,2 миллиметра, т.-е. две сотых сантиметра. Увидеть его мы можем отчетливо только в микроскоп. На вид яйцо — круглое тело, снаружи одетое оболочкой, внутри его среди массы желтка (запасов для зародыша) имеется особое образование — ядро.

Вещество ядра имеет очень большое значение в вопросах наследственности: в нем находятся зачатки свойств матери, передаваемые детям.

Яйца развиваются в особых органах — яичниках — путем деления клеток, образующих их стенки. Во время деления клеток ядерное вещество их распадается на особые образования вроде палочек, называемых хромосомами. Этих хромосом у каждого вида животных всегда имеется строго определенное число. У человека их 48, у одной мухи — 8, у червя аскариды — 4 и т. д. Это очень важное обстоятельство, и мы к нему вскоре вернемся.

Яйцо, по мере развития в яичнике, все увеличивается в размерах, так как в нем накапливаются питательные вещества для роста будущего зародыша; поэтому яйца птиц или змей, у которых зародыш целиком вырастает на счет яйца, сравнительно крупные.

Ведь куриное яйцо, как клетка, только то, что мы называем желтком яйца. Но и то это крупное образование сравнительно с человеческим яйцом. Это последнее так мало потому, что зародыш развивается в теле матери и питается на счет ее крови. То же приходится сказать и о других млекопитающих животных.

Но все же и у них яйцо имеет запасы желтка и потому оказывается малоподвижным и сравнительно с мужской половой клеткой — живчиком — очень крупной. Мы видим как бы разделение труда между половыми клетками обоих полов. Яйцо накапливает питательный материал, отчего оно грузно и малоподвижно. Мужская половая клетка — живчик, или спермий, — свободна от этой заботы, но зато на ней лежит задача найти дорогу к яйцу и слиться с ним. Поэтому живчик весь приспособлен к движению: он легче яйца и меньше его — у некоторых видов животных во много миллионов раз. Его тело обычно вытянуто на подобие нити; впереди имеется головка, состоящая из ядерного вещества. Вращением нити-хвоста сперматозоид плывет в жидкости, в которой он выделяется из мужского полового органа, или в воде, как например у морских ежей, рыб и т. д. Живчиков (спермиев) вырабатывается обычно очень много, — гораздо больше чем яиц, — так как спермии легко теряются по дороге к яйцу. Для оплодотворения же яйца нужен всего один спермий. Так, у человека, во время одного полового акта, т.-е. для оплодотворения одного яйца, выбрасывается много тысяч живчиков.

В половых органах самки живчики могут жить иногда подолгу: около 2-х суток у человека и свыше 3-х лет у пчелы.

Дорогу к яйцу в половых органах самки живчики находят благодаря химическому раздражителю выделяемому яйцом и действующему на них; кроме того они обладают способностью плыть против тока слизи в половых органах (реотропизм) и тем самым проникать вглубь их к яйцу.

Сам процесс оплодотворения протекает следующим образом: обычно целая толпа быстро двигающихся живчиков достигает яйца. Один из них первым успевает погрузиться в яйцо. Тогда в оболочке яйца происходит изменение: на поверхности ее образуется особый слой или оболочка оплодо-

творения, которая препятствует проникновению других спермиев. Иногда яйца бывают одеты особой оболочкой (хорион); тогда в них имеются канальцы или особый проход (микропиле) для проникновения живчика.

Живчик, входя в яйцо, обычно отбрасывает свой хвостик, ставший уже ненужным. Таким образом в оплодотворении участвует лишь одна головка и шейка его, т.-е. почти исключительно одно ядерное вещество. В некоторых случаях яйцо вытягивает навстречу входящему спермию бугорок своего вещества и, захватывая его, увлекает за собой. (Рис. 1).

Спермий в плазме яйца (т.-е. внутри тела яйца) меняет свой вид: его головка (ядро) разбухает и принимает округленную форму, напоминая ядро яйца. Спермий с собой вносит особое тельце — центрозому, от которой по яйцу расходится своего рода лучистость. Эта центрозома делится надвое. Обе половинки расходятся, лучистость располагается между ними. Тем временем ядра яйца и спермия сливаются или ложатся рядом и распадаются на хромосомы, которые через некоторое время расходятся к противоположным центрозомам, но так, что к каждой из них подходят хромосомы и из яйца и из спермия. В это же время по поверхности яйца проходит борозда и яйцо разделяется на две половины. В каждой из них оказывается по одной центрозоме и поровну хромосом. Яйцо начало дробиться, т.-е. развиваться в зародыш.

Таким образом оплодотворение, т.-е. проникновение живчика в яйцо, вызвало его развитие в зародыш и дало толчок к образованию из яйца нового организма.

Такова в общих чертах картина оплодотворения.

Необходимо остановиться на одной подробности; выше мы отметили, что у каждого вида животных определенное число хромосом. Как же оно сохраняется, если бы яйцо и живчик имели бы это же число. При оплодотворении оно удваивалось бы и так с каждым оплодотворением. Если у человека 48 хромосом, то при первом оплодотворении их оказалось бы 96, при следующем — вдвое больше и т. д. Однако мы этого не наблюдаем. Есть особый способ урегулирования этого явления, который называется редукцией или сокращением числа хромосом при созревании половых клеток. Когда, например, созревает яйцо, ядро его делится дважды и часть ядерного вещества, в виде так называемых редукционных телец, выходит из яйца и гибнет. В результате этой редукции число хромосом сокращается вдвое, т.-е. остается

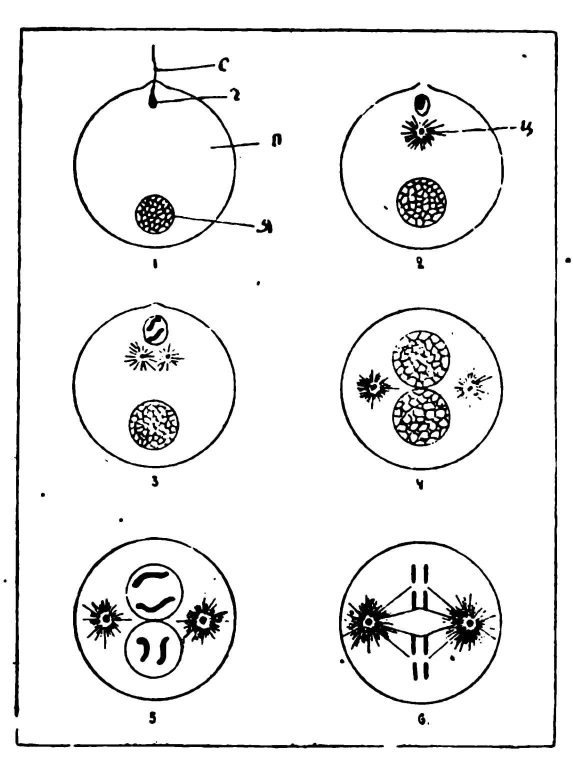

Рис. 1. Оплодотворение и развитие яйца.

1—Момент проникновения живчика в яйцо. *г*—головка живчика (спермая); *с*—хвостик его; *я*—ядро яйца, *п*—протоплазма яйца. 2—*ц*—центрозома. 3—6 первые стадии деления яйца. 5—6—черные полоски—хромосомы.

только половинное число их. Конечно, при этом выбрасывается за борт и часть наследственных способностей яйца. Приложенный рисунок (рис. 2) иллюстрирует в схеме картину редукции хромосом в яйце.

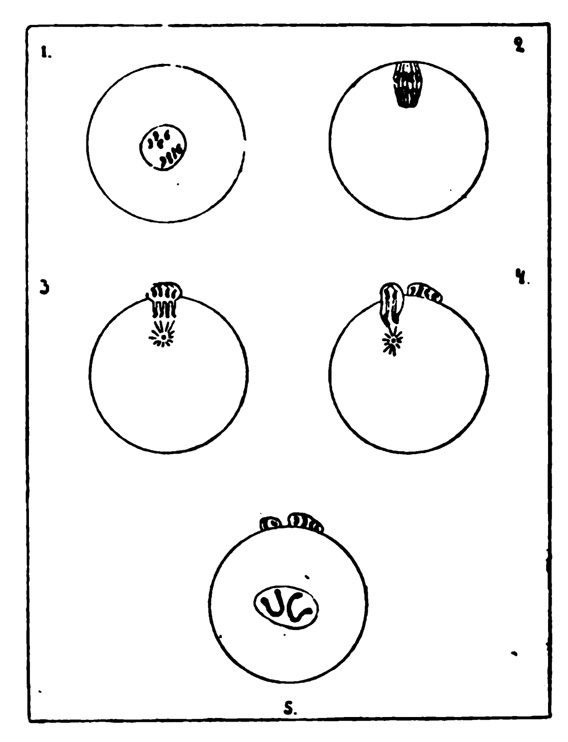

Рис. 2. Редукция хроматина в яйце.
2—3—Образование первого редукц. тельца. 4—5—образование второго ред. тельца. 5—в ядре яйца остается 2 хромосомы вместо четырех.

Нечто подобное происходит и при созревании спермиев — они тоже путем редукции сокращают в половину число хромосом. Обычно при этом не образуются редукционные тельца, т. к. спермии запаса желтка не имеют и каждое деление ядра сопровождается и равновеликим делением плазмы.

Следовательно и зрелое яйцо и зрелый спермий имеют половинное число хромосом. У человека по 12, у аскариды по 2 и т. д.

При оплодотворении, благодаря слиянию ядер, восстанавливается нормальное число хромосом.

А так как хромосомы несут в себе зачатки наследственных свойств обоих родителей, то смешение их после оплодотворения ведет к смешению родительских свойств в потомстве и дети получают часть свойств от отца и часть от матери.

Из сказанного, казалось бы, яйцо без оплодотворения развиваться не может. Обычно мы это и видим. Однако известны случаи развития яиц без оплодотворения, девственного развития или партеногенеза. В 1762 г. Шарль Боннэ открыл это явление на тлях, мелких насекомых живущих на растениях и питающихся соками их листьев, стеблей и т. д. Он изолировал самку тли от рождения и наблюдал, как она несла яйца, развивавшиеся без оплодотворения в самок же тлей, которые размножались так же и это продолжалось несколько поколений в течение лета.

В то время это вызвало всеобщее недоверие, ибо казалось что это открытие нарушает общеизвестный «закон природы», что неоплодотворенные яйца не развиваются и девственные самки не дают потомства. Однако с тех пор явление партеногенеза было изучено не только на тлях, но на ряде других животных, и, как мы сейчас увидим, ничего противоречащего природе в нем нет.

Тли, обычно, не исключительно размножаются партеногенетически, а только известное время, после чего они снова размножаются «нормальным» путем. Получается довольно сложная картина смены поколений: 1) ряд девственных поколений самок, 2) после которого появляются самки несущие и на самок и на самцов, 3) из них развивается обоеполое поколение, т. е. самцы и самки, 4) из яиц этого поколения появляются самки, начинающие ряд девственных поколений.

Как видно, самцы появляются в одном из многих поколений, в прочих поколе-

ниях обходятся без них. Нечто подобное описано и у водяных блох — дафний — мелких рачков (рис. 3), которые обычно большими стаями плавают летом в верхних слоях воды прудов и канав. Обычно самцы у них появляются под осень и в зиму откладываются оплодотворенные яйца. Летом же быстро сменяется ряд девственных поколений. Это периодическое явление связано с временами года, как видно, и потому эта форма партеногенеза называется сезонным партеногенезом.

Смена партеногенетических поколений половыми у тлей и рачков дафний является наследственным приспособлением, как линька у птиц или смена листвы у деревьев.

Большой интерес представляет микроскопическое изучение механизма этого явления. Как известно, пол определяется наличностью известных хромосом, x-хромсом или половых. Когда оплодотворенное яйцо человека содержит две—x-хромосомы, из него развивается женщина, одну — мужчина. То же известно относительно других млекопитающих, некоторых насекомых (муха дрозофила) и т. д.

Но есть и обратный тип—когда самка имеет одну x-хромосому, а самец — 2, напр. у бабочек и птиц. Это тип женской гетерозиготности, как говорят, а первый тип — мужской (см. статьи «Отчего зависит пол» и «Интерсексы» в №№ 2 и 3 «Красного Журнала для всех»).

Когда созревают партеногенетические яйца у тлей на самца и на самку, то определение их пола происходит именно путем регулирования числа хромосом. Самец у них имеет одну половую хромосому и потому при созревании яйца лишние хромосомы выбрасываются из яйца с редукционным тельцем. Яйца на самок сохраняют все хромосомы и не выделяют их с редукционным тельцем.

Очень интересный случай описан у одного рачка (артемии) при созревании его партеногенетических яиц. Редукционное тельце выносит из яйца половину хромосом, а потом возвращается обратно и тем число хромосом восстанавливается до необходимой нормы. Это как бы явление самооплодотворения яйца своим же редукционным тельцем. Мы помним, что число хромосом должно быть постоянным и что при редукции половых клеток оно становится половинным, а после оплодотворения восстанавливается до нормального числа. Здесь же, при партеногенезе, оплодотворения не происходит и потому одним из способов восстановления числа хромосом является возвращение редукционного тельца. На этом случае ясно видно, что партеногенез является результатом упрощения обычного полового размножения.

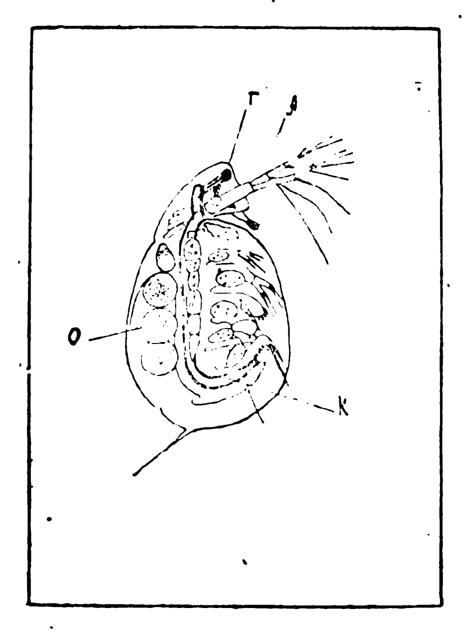

Рис. 3. Водяная блоха-дафния, размножающаяся летом партеногенетически.
Г—глаз; *Д*—плавательные конечности, *К*- кишечник, *О*-яйца под пасщерем самки.

В очень своеобразной связи стоит партеногенез с определением пола через редукцию числа хромосом у пчел. Еще в 1849 году Дзирзон установил, что у пчел самцы, т.-е. трутни, развиваются из неоплодотворенных яиц. Эта теория вызвала много споров, и правильность ее доказана лишь сравнительно недавно (Ньюилль). Для доказательства скрещивают две породы пчел — серых и желтых; например оказывается, что желтый цвет преобладает (доминирует) над серым. Берем серую матку и скрещиваем с желтым трутнем. Если яйца оплодотворяются — все

потомство должно быть желтым, ибо—это преобладающий признак. И действительно, все самки оказываются желтые, но трутни—все серые. Следовательно в их яйцо не попал зачаток желтого цвета из спермиев отца, а это могло случиться лишь при условии, что они развились из неоплодотворенных яиц. Ряд подобных опытов приводит к тому же выводу. Анализ числа хромосом показал, что трутни содержат половинное число их. Благодаря этому и x-хромосома оказывается у них в единственном числе, что и необходимо для образования мужского пола. При созревании спермиев у трутней установлено, что редукции не происходит (Мевес). Это и понятно, потому что при редукции получилось бы еще уменьшение хромосом вдвое, что дало бы $^1/_4$ их числа против нормы. Без редукции же оказывается, что каждый спермий имеет по одной x-хромосоме, как и сам трутень.

Попадая в яйцо, он там находит такое же половинное число хромосом (при созревании яиц редукция, конечно, происходит), и при оплодотворении число хромосом восстанавливается до нормы и в яйце оказывается две-x-хромосомы, что ведет к развитию самки. Таким образом оплодотворяя яйца, можно иметь самок, не оплодотворяя—самцов.

Пчелиная матка (царица) удивительно пользуется этим,—она, как известно, единственная несущая яйца самка в улье среди девственниц пчел-работниц и оплодотворяется матка раз в жизни. Спермии она хранит годами в особом мешке в половых органах и «инстинктивно» по мере надобности выпускает на яйца при кладке их и тем их как бы «произвольно» оплодотворяет. Это яйца на самок. Когда надо самцов — она кладет неоплодотворенное яйцо. Замечено, что старые матки кладут уже слишком много яиц на трутней—у них истощился запас спермиев.

Таким образом матка улья «произвольно» регулирует население его, откладывает лишь необходимое число яиц на трутней, нужных только для оплодотворения молодой матки. В улье трутни, как известно, не работают, а едят много. Без такой регуляции населения улья, была бы невозможна стройная жизнь его и организация таких коммун насекомых, какие мы знаем у пчел, муравьев, ос и др.

Таким образом, неоплодотворение яиц, партеногенез, является здесь своеобразным способом, которым матка улья регулирует пол населения общин.

В выращивании пчел и в развитии их пола большую роль играет питание. В деталях это еще невыясненный вопрос. Есть пчеловоды, уверяющие, что и из оплодотворенных яиц путем известного режима питания, можно вывести трутней. Невероятного тут ничего нет: пища может усиливать действие фактора одного пола и ослаблять действие фактора противоположного пола. Нечто подобное нам известно у червя бонеллия.

Какое же значение имеет спермий в деле оплодотворения? Мы уже знаем, что он вносит свои хромосомы в яйцо, и благодаря им передаются потомству наследственные свойства отца, а также определяется пол. Это, так сказать, наследственное значение спермия, на котором теперь мы останавливаться не будем.

Но большинство яиц не развивается без оплодотворения, т.-е. без проникновения в них спермия. Спермий дает толчок к развитию яйца. Как об'ясняют его значение в этом вопросе? Опыт показывает, что к развитию яйцо побуждается обычно только спермием своего вида или близкого к нему. Еще в XVIII веке один ученый (Реомюр) ожидал потомство от голубя оплодотворенного кроликом. В наше время, очевидно, что это невозможная вещь, также как потомство от кошки и собаки, коровы и лошади и т. д. Потомство получается, т.-е. оплодотворение удается и дает нормальное развитие яйца только при большом сходстве видов. Уже потомство между лошадью и ослом при всем их сходстве — бесплодно, т.-е. от помеси лошади и осла (мул) нет потомства.

Между некоторыми видами рыб и растений удалось произвести скрещивание и получить помеси. Обычно же никакого результата от таких скрещиваний нет.

Ученые пытались уяснить причину этого на ряде опытов. И действительно, изменением условий температуры, состава воды и т. д., удалось получить оплодотворение и начало развития у животных, при нормальных условиях не оплодотворяющих друг друга. Удобным материалом для таких опытов служат морские ежи и морские звезды из типа иглокожих. Это очень своеобразные морские животные, покрытые известковыми иглами — отсюда название первых — морские ежи. Звезды же имеют пять лучей и дей-

ствительно напоминают звезду. Оплодотворение у этих животных происходит в морской воде и потому очень удобно класть их яйца в каплю воды под микроскоп и пуская в ту же каплю живчиков, наблюдать явление оплодотворения во всех подробностях. Оказывается, что яйцо морского ежа противится проникновению живчика морской звезды, но это сопротивление уничтожается изменением химического состава водной среды, как это показал американский ученый Ж. Леб. Происходит оплодотворение и начинается развитие нелепых личинок, которые через некоторое время гибнут. Из опытов в этом направлении удалось выяснить, что причина препятствующая оплодотворению яйца живчиком чужого вида (как в разобранном случае—морского ежа и морской звезды), зависит от чисто химического различия половых клеток разных видов. Подробности этого различия очень сложны, но несомненно, что выяснение их даст необходимое об'яснение этого факта.

Если в области химии и физики надо искать об'яснения, почему спермий чужого вида не вызывает оплодотворения, то легко предположить, что в этой же области лежит об'яснение, почему спермий своего вида вызывает оплодотворение. Для выяснения этого вопроса ставились опыты с попыткой вызвать развитие яйца без оплодотворения, т.-е. вызвать искусственный партеногенез и следовательно физико-химическими причинами заменить действие спермия.

Положительные результаты в этой области впервые были достигнуты московским профессором Тихомировым в 1886 г. Путем трения щеточкой или недолгого воздействия серной кислотой и т. п. возбудителями яиц шелковичной бабочки, он вызывал их партеногенетическое развитие.

Позднее ряд знаменитых ученых занимались опытами над искусственным партеногенезом. Таковы исследования Т. Моргана, Дляжа, Ж. Леба и др. Ж. Леб является классиком по исследованиям в этой области. Он их вел в течение многих лет и достиг замечательных результатов. Им открыты разнообразные методы вызывающие партеногенетическое развитие яиц и дано очень много ценных теоретических толкований своих опытов.

Леб почти исключительно работал над яйцами морских ежей, как очень удобным об'ектом. Первые значительные исследования его происходили еще в конце XIX и в начале XX века. Им установлено, что яйца морских ежей помещенные на время в более соленую воду, сморщиваются от потери воды и после перенесения в нормальную морскую воду начинают дробиться и из них развивается личинка, как после оплодотворения. Отличие заключается в том, что яйца не образуют той характерной перепонки на своей поверхности, которая выделяется сейчас же при проникновении живчика в яйцо. Но и эту перепонку Лебу удалось вызвать путем воздействия на яйцо некоторыми химическими веществами (кислотами). Если таким образом вызвать образование перепонки, а потом яйца класть в пересоленую воду, вынуждая их к развитию, то получится картина замены действия спермия действием химических веществ в деле побуждения яйца к развитию. Очевидно, что разрешение этой проблемы лежит в области физико-химии. Леб давал ряд теоретических об'яснений на основании все накопляющегося материала. Мы не будем входить в детали этих теорий, как Леба, так и других исследователей, так как это завело бы нас в очень сложную и во многих отношениях еще невыясненную область физико-химизма процесса оплодотворения.

Основное из сказанного ясно: действие живчика в оплодотворении сводится на физико-химию.

Блестящие опыты французского ученого Батайона были одним из интереснейших подтверждений сказанного. Батайон работал над яйцами лягушки, единственного позвоночного животного (т.-е. животного высшего типа) у которого удалось вызвать искусственный партеногенез. Метод Батайона был крайне прост: он тонкой иглой производил укол яйца и тем вызывал его развитие. Из развившихся яиц большинство гибло, но несколько экземпляров развилось до стадии головастиков и лягушки. Оказалось, что при уколе иглой в яйцо должно попадать еще немножко крови лягушки и т. п., т.-е. возбуждение к развитию вызывается не только механическими (укол), но и химическими причинами.

Последнее время и Леб пользовался методом Батайона и усовершенствовал его, достигая с помощью его значительных успехов.

Девственного развития яиц млекопитающих, как и вообще почти всех позвоночных, еще

не получено. Причина понятна: яйцо млекопитающих развивается в теле матери, где повлиять на него для искусственного партеногенеза очень трудно. Но в принципе и это вопрос разрешимый.

Имеющиеся в распоряжении науки данные об искусственном партеногенезе, еще не достаточны для того, чтобы мы могли судить достаточно точно и ясно о физико-химических процессах, возникающих при проникновении живчика в яйцо и оплодотворении.

Но данных вполне достаточно, чтобы утверждать, что наука находится на пути ко все более полному об'яснению явления оплодотворения с точки зрения физико-химии. Иного об'яснения наука не имеет и давать не может. До сих пор мы говорили о той стороне оплодотворения, результатом которой является толчок к развитию яйца, даваемый проникшим в него спермием. И этот толчок и привлечение живчика к яйцу и неприятие живчика чужого вида — все это сводимо к физико-химическим явлениям. Но мы только упомянули об одной очень важной стороне дела: внесении спермием в яйцо своих хромосом и значении их в передаче наследственных свойств отца.

Но и весь сложный аппарат передачи наследственных свойств родителей детям через хромосомы — также в значительной мере об'ясним уже физико-химически. Это область материальных основ наследственности, которой подробнее касаться здесь не место.

Таким образом, все явление оплодотворения — одно из самых сложных явлений жизни — стало теперь предметом науки.

И. К.

ИЗ ПРОШЛОГО

(Из воспоминаний о борьбе на юге в 1917 и 1918 годах).

Это было в те дни, о которых сейчас пишутся тома воспоминаний, когда команды транспортов, когда целые заводы шли в нашу партию, еще не зная партийной программы...

Записывались, получали партбилет и винтовку и, вливаясь в ряды красной гвардии — этого первого вооруженного отряда рабочего класса—боролись за власть Советов, укладывая своими телами путь к пролетарской диктатуре...

— Покупайте рабочую большевистскую газету „Голос Пролетария". Правда о июльских событиях в Петрограде! — кричал днем наш газетчик-агитатор, перебегая с одной стороны улицы на другую.

Вечером собираемся группами в клубе одесской красной гвардии, обсуждаем между собой случившееся. Находящиеся тут же красногвардейцы—меньшевики и эс-эры виновато помалкивают, когда члены нашей партии разоблачают гнусную и предательскую политику правительства Керенского, расстрелявшего на улицах Питера революционных рабочих.

„Одесский Листок"—кадетская газета и „Южный рабочий" — орган одесского комитета меньшевиков на следующий день распинаются в чистоте временного правительства. „Товарищ Никита" (господин Сухов; был в Одессе такой, небезызвестный в свое время, меньшевик) на столбцах „Южного рабочего" пробует даже в стихах найти оправдания убийцам из-за угла. Но напрасно в стихах и прозе клянут они безумство „предавших отечество германских шпионов", „углубителей" русской революции — большевиков...

История перекладывает руль...

Симпатии пролетариата Одессы и его вооруженного отряда — красной гвардии всецело на нашей стороне, на стороне партии, которая зовет трудящихся к боям за освобождение рабочего класса.

Если в день первого мая в Одессе, за маленьким большевистским плакатом, на котором было написано: „Да здравствует Ленин — друг народа", шла небольшая группка рабочих (по пальцам пересчитать было можно), то послеиюльские уличные демонстрации собирают под наши знамена уже большинство заводов, всю красную гвардию.

Одесская городская дума и меньшевистский Совет, боясь агрессивных действий определенно большевистски-настроенной красной гвардии, всеми мерами и способами пытаются отобрать у красногвардейцев оружие.

Совет уговаривает, а дума даже отдает приказ студенческой милиции о разоружении красной гвардии.

Но не тут-то было...

Наши делегаты сообщают думе ответ красной гвардии на приказ о разоружении: „на железо, мы ответим сталью", и трусливые буржуа—думцы, представители торгашей и обывателей, торопливо замолкают.

После июльских дней растет большевистская организация в Одессе; вместе с ней растет и крепнет и красная гвардия, пополняясь новыми кадрами рабочих. На всех заводах организуются отряды красной гвардии; моряки транспортной флотилии и других судов, стоящих в Одессе, посылают туда своих представителей.

Исполнительный комитет красной гвардии, в котором было большинство большевиков, предпринимает ряд мер по созданию из распыленных красногвардейских отрядов—организованной военной силы, с'умевшей бы в нужный момент быть брошеной в борьбу за дело рабочего класса.

Красная гвардия разбивается на районы, в свою очередь разделенные на сотни и десятки. Красногвардейцы, под руководством моряков и вернувшихся с фронта солдат, обучаются стрелять, понимая, что военное ремесло теперь стало необходимым ремеслом рабочего, желавшего защитить сейчас интересы уже своего, а не чужого класса.

Красная гвардия заменяет на своих знаменах, уже отзвучавший бледный лозунг „Да здравствует демократитическая Республика", ставший оплотом контр-революции,—новым революционным, близким и родным боевым кличем рабочего класса: „Вся власть Советам".

Октябрьский переворот застал всю Украину в расцвете националистического угара. Украинская буржуазная интеллигенция пытается „самоопределить" трудящихся Украины, и, провозгласив „самостийную" Украинскую Народную Республику (УНР), отделиться от Советской Социалистической большевистской России.

Украинская Центральная Рада, во главе которой стояли правые украинские „социалистические" партии, избранная еще в июне 1917 г., вскоре в специально изданном „Универсуле" прокламирует независимость УНР за подписями „батька" Симеона Петлюры, Грушевского, Винниченко и других, покрывавших буржуазную политику фразами о национальном освобождении.

Националистическое движение Рады находит широкую поддержку в лице тех, кто старался за какими угодно, хотя бы даже и национальными, лозунгами собирать и сплачивать антисоветские силы; и, действительно, под „жовто-блакитный" прапор УНР сразу становится все контр-революционное русское офицерство, находившееся на территории Украины. „Хохол" и „Малороссия",—презрительно не сходившие с уст этих в свое время угнетателей Украины, проводивших руссификаторскую политику царизма, заменяются почтительным „Щирым украинцем" и „Украиной—ридной маты".

Украинской буржуазии удалось в первое время организовать значительные мелкобуржуазные слои украинской деревни и обмануть часть армейских комитетов румынского и австрийского фронтов.

Фронты эти и воинские части об'являются „самостийными" — украинскими; Петлюра одновре-

менно создает чисто классовые „украинские" отряды из кулаков, офицеров, студентов и гимназистов во главе с царскими генералами. Таким образом стала создаваться под „жовто-блакитным" прапором вооруженная сила УНР—гайдамацкие банды...

При содействии той же Центральной Рады происходит отправление на Дон к Корнилову бежавших из РСФСР офицеров и генералов...

Сейчас уже необходимо было противопоставить этому буржуазному железу — пролетарскую закаленную сталь. На с'езде делегатов румынского фронта, в ноябре 1917 года в Одессе, нашей партии удалось разоблачить контр-революционную политику украинской буржуазной рады и украинских социал-предателей (эс-деков и эс-эров).

Когда „самоопределялась" эскадра Черноморского флота, стоявшая на Одесском рейде, то вопреки „надие" Рады, отправившей по этому поводу даже специальных агитаторов к морякам, из всех судов только „Память Меркурия" подняла „жовто-блакитный" прапор; все же суда: „Синоп", „Ростислав", суда бригады траления и транспортной флотилии подняли красный флаг, знаменовавший братскую солидарность черноморких моряков со всем рабочим классом России.

Первая схватка.

Началось с того, что однажды в холодный декабрьский день (кажется 1-го числа) наши красногвардейцы привезли убитого гайдамацкими офицерами нашего товарища-красногвардейца, рабочего одного из одесских заводов Дмитрия Ветрова, „осмелившегося" вести на улице агитацию против буржуазной Рады за Советскую власть. Это был симптом. Гайдамаки готовились к бою, с тем, чтобы разоружить красную гвардию и разогнать рабочие организации. По городу ходили усиленные гайдамацкие патрули, и через день после гибели Ветрова на Пушкинской улице был убит гайдамацким патрулем ехавший в автомобиле начальник одесской красной гвардии, т. Кангун, наш, большевик. Брат Кангуна, отправившийся за телом убитого, был также предательски убит. Открыто напасть на красную гвардию гайдамаки, однако, боялись.

Мы решили взять инициативу в свои руки. Похоронили Ветрова и Кангуна. Избрали нового начальника гвардии рабочего-металлиста судоремонтного завода, Ревенского—Макара Ивановича Чижикова, и за обладание Одессой завязался бой на улицах города между красной гвардией и гайдамацким гарнизоном.

Опорные пункты: штаб округа (на Пироговской улице) и вокзал „Одесса-Главная" переходили из рук в руки. Гайдамаки первые применили в уличных боях полевую тактику, употребив артиллерию для обстрела вокзала, находившегося в наших руках. Им удалось влепить снаряд на два квартала правее вокзала в один из куполов церкви Афонского подворья (попы Афонского подворья никак не хотели верить, что это не большевики, а гайдамаки стреляют по церквам из пушек).

Трое суток—день и ночь продолжались ожесточенные бои на улицах Одессы. Гайдамаки пытались проникнуть в штаб красной гвардии (на Торговую ул.), но были отбиты бомбами наших красногвардейцев. У штаба мы, разобрав мостовую и поставив трамвай, соорудили укрепленный окоп—баррикаду, во избежание повторения гайдамаками их попытки. Частично штаб перешел в порт на завод Русского О-ва пароходства и торговли (РОПИТ). На третий день боев наши красногвардейские отряды осадили телефонную станцию, находившуюся в руках гайдамаков, прервавших телефонную связь штаба красной гвардии с заводами. После двухчасового ожесточенного боя гайдамаки принуждены были сдать телефонную станцию, и связь была восстановлена. В тот же день удалось изгнать гайдамаков из города, заняв штаб округа и вокзал, находившийся после артиллерийского обстрела в руках гайдамаков.

Мы победили... Гайдамаки отступили к своим куреням за город на Средний Фонтан, и их представители приехали к нам в штаб красной гвардии заключать перемирие. Рядовые гайдамаки раз'езжали на тачанках по городу безоружные с белыми флагами и кричали нашим красногвардейским отрядам, охранявшим вокзал:

— „Нас обманули! И мы за радяньску владу! Давайте мириться"!

Перемирие было заключено...

Мы похоронили павших в боях на улицах Одессы красногвардейцев. 113 гробов было опущено в братскую могилу на Куликовом поле. Вся рабочая Одесса провожала своих павших героев к месту их последнего успокоения.

10 декабря в Одессе собрался с'езд делегатов румынского фронта, области и Черноморского флота, и на этом с'езде был избран Румчерод (Совет депутатов Румфронта, Одесского округа и Черноморского флота), в котором наша партия получила большинство.

Впереди, однако, нас ждали еще новые бои...

Победа.

Между тем гайдамаки укрепились на Среднем Фонтане (на 3-ей станции). Здесь находили убежище и офицеры, бежавшие с румынского фронта, убоявшись революционной расправы восставших против Рады солдат. Тут же находился 49-й полк, частично поддавшийся шовинистической агитации Рады, натравливавшей крестьян, одетых в серые шинели, против рабочих города.

Вечером 14 января сидим в клубе красной гвардии на спектакле, устроенном в пользу безработных. Часа в 3 ночи, в самый разгар танцев, узнаем о вторжении в город гайдамаков, снявших наши отряды, охранявшие вокзал и штаб округа.

Зал танцев моментально пустеет; сотники спешат связаться по телефону со своими районами,—предупредить о готовности к бою. Все наличные красногвардейцы во дворе вооружаются, набирают побольше патронов из ящиков, вынесенных во двор, тут же получают бомбы и винтовки. Здесь же формируются под командой десятников небольшие отряды и отправляются в город.

Утром 15-го января удалось собрать все наличные в городе силы красной гвардии; кроме того, к нам присоединилась часть расквартированного в городе Ахтырского гусарского полка, само-

катный батальон, кольтовские пулеметчики из частей, пришедших недавно с румынского фронта и моряки с судов, стоявших в Одессе.

Румчерод выделяет из своей среды революционный комитет, который возглавляет наши отряды.

С такими силами уже можно было разворачиваться, и мы развернули наступление по всему фронту. Нужно было сейчас уже действовать решительно, нанести удар по опорному пункту гайдамаков и отбить у противника раз навсегда охоту ввязываться с нами в драку.

Броненосец „Синоп" получил от Ревкома задание сняться с якоря и, подойдя к берегу Фонтана, обстрелять гайдамацкие курени. Одновременно наши сухопутные части по всему городу завязали бой с гайдамаками, значительно превосходившими нас в численности. Под убийственным огнем гайдамацкого пулемета, бившего наверняка по нашим частям с вокзальных часов по всей Пушкинской улице, — мы повели наступление на вокзал. Наш артиллерист, рядовой моряк, оказался удачливее гайдамацкого артиллериста, стрелявшего в декабре по вокзалу: наш снаряд, направленный по вокзалу из орудия, стоявшего на Николаевском бульваре, попал в цель и заставил замолчать гайдамацкие пулеметы. После этого мы бегом пошли на штурм вокзала, и через 20 минут он был взят.

Днем, 15-го, мы уже теснили гайдамаков по всему фронту, и их части принуждены были отойти к Фонтану. Не помогли им и броневые автомобили, пущенные в ход; наши красногвардейцы, не взирая на смертоносный огонь их пулеметов, приближались к ним вплотную и бомбами обращали 2 броневика в бегство.

После нескольких выстрелов с „Синопа" по гайдамацким куреням, скопившиеся на Фонтане гайдамацкие части, побросав оружие, разбежались, и уже к утру 16-го января нам удалось совершенно очистить город от гайдамацких банд.

В этот раз мы уже закрепили свою победу, заняв казармы гайдамацких куреней, установив после победы твердую революционную власть в городе в лице Совета Народных Комиссаров Одесской области под председательством тов. Юдовского.

В городе установилось спокойствие; начала работать новая революционная власть рабочих.

На румынский фронт.

Заправлявший всем румынским фронтом генерал Щербачев, чье имя войдет в историю революции в списке наиболее от'явленных врагов рабочего класса, после Октябрьского переворота запретил, под страхом растрела, солдатские митинги и собрания. Наши части, брошенные еще при царизме на румынский фронт для защиты Румынии от австрогерманцев и после Октябрьского переворота пожелавшие вернуться домой, были задержаны на фронте. Большевистское настроение, однако, несмотря на все запрещения Щербачева, захватило и этот фронт, и наши части безудержно катились к своим границам—домой.

Одна из наших дивизий была расстреляна румынскими жандармами, и во всей Румынии завязались стычки, порой переходившие в настоящие бои между румынскими войсками, посланными для задержания наших частей, и нашими революционными войсками, не желавшими проливать свою кровь ради интересов румынских бояр.

Центральная Рада и Щербачев, совместно с представителями союзного командования в Румынии, принимали все меры против большевизации русских войск на румынском фронте, и этот фронт был даже „официально" об'явлен „украинизированным" одним из „Универсулов" Симеона Петлюры, пытавшегося в то время заслужить милость англо-французской буржуазии и ее поддержку в своих сепаратистских намерениях. Не мало было расстреляно наших солдат на румынском фронте по приказу Щербачева, но уже никакие меры, никакие расстрелы не могли сдержать революционной лавины, стихийно катившейся домой, туда, где власть в руках победивших рабочих и крестьян.

После отхода наших частей с румынского фронта, румынские войска вторглись в пределы Бессарабии и угрожали занять Одессу. Под руководством Румчерода в Одессе шли спешные формирования частей для отправления на румынский фронт, чтоб помешать румынской олигархии задушить молодую Советскую власть на юге. Несколько сотен красной гвардии, моряки и отряды анархистов составили первую ударную группу бойцов этого первого советского фронта.

В феврале 1918 года отправляемся на фронт. По городу проходим с музыкой на вокзал Одессу-Товарную для погрузки в эшелоны. Наша красная гвардия, уже нюхнувшая пороху в борьбе с гайдамаками, сейчас имеет совсем „военный" вид. Красногвардейцы в новеньких полушубках мехом вверх, с пулеметными лентами через плечо с полдюжиной гранат за поясом способны навести панику и „смести с лица земли" и не только такую „храбрую" армию, как румынская.

Грузимся в телячьи вагоны на станции. Настроение бодрое. Ночью тронулись; от'езжаем с песнями, и долго еше в воздухе несется, смешиваясь с шумом идущего поезда:

„Нас давит, товарищи, власть капитала,
Царящего мощно повсюду.
Теперь ведь, товарищи, время настало
Проснуться рабочему люду.
На бой нас давно вызывает
Буржуй — враг, царящий повсюду.
Пусть красное знамя собой означает
Победу рабочего люда".

Утром прибыли в Тирасполь. Комендант города, матрос Околотин, знакомит наших командиров с положением на фронте. В руках румын весь правый берег Днестра; наши части, сколоченные из отрядов фронтовиков и рабочих располагаются по левому берегу. Размещаемся на вокзале в теплушках и в казармах в городе. Через два дня на фронте ведем с нашего берега Днестра перестрелку с румынами.

Так продолжается с неделю. Днем на фронте, вечером ночуем в городе.

Когда прибыл Полупанов с бронепоездами — переходим в наступление на румын.

Занимаем на том берегу Кицканы, Слободзей, Парканы. Нашему бронепоезду удается даже про-

рваться до Бендер и вывезти из интендантских складов обмундирование.

Командование фронтом против румын переходит в руки назначенного Совнаркомом главковерха Муравьева, и наши части, пополненные свежими подкреплениями, теснят румын.

Да и в румынской армии не все благополучно; румынские крестьянские войска, войдя в соприкосновение с нашими частями, разлагаются и не желают больше защищать своих помещиков против рабочих и крестьян России.

Румынское командование принуждено просить „пардону".

Наши делегаты достигли соглашения с румынскими генералами, по которому румынские войска должны были в кратчайший срок очистить Бессарабию, и румынское правительство должно было вернуть советам ограбленное при отходе наших войск из Румынии военное снаряжение и склады военного имущества, оставленные на румынской территории.

Но, подписывая одной рукой соглашение, „боярская Румыния готовила другой предательство, открыв фронт своим вчерашним врагам—немцам.

Рада тоже поспешила переменить союзническую ориентацию на немецкую и, продав немцам Украину, готовила нож в спину победившего рабочего класса.

Эвакуация.

Пушечный выстрел с „Синопа", стоявшего на Одесском рейде, прозвучал в наших ушах похоронным звоном. Все как-то не хотелось верить, что мы покидаем Одессу, оставляем ее во власти надвигающихся гайдамацких банд и австро-германских оккупантов.

Уже завтра буржуазия цветами встретит иностранных „избавителей" от „большевистского ига".

В штабе красной гвардии собрались наши отступившие отряды красной гвардии. Пушечный выстрел был первым сигналом к сбору для эвакуации.

На дворе идет невообразимая кутерьма: грохот заведенных моторов грузовых автомобилей, на которые складывается оружие, обмундирование и продовольствие, перемешался с плачем жен красногвардейцев, пришедших проститься, быть может, в последний раз со своими мужьями.

В аппаратной штаба надрывается у телефона сотник портового района красной гвардии Саркисьянц:

— Барышна, дай мне нимедлина штаба округа,— говорит Саркисьянц.

Но напрасно; полевая связь уже порвана,— штаб округа не отвечает. По городскому аппарату удалось связаться с Румчеродом. Оставленный дежурный сообщил, что Совнарком Одессы уже на транспорте „Владимир".

В клубе начальник красной гвардии Макар Чижиков отдает последнее распоряжения сотникам. Рядом с ним одноглазый Свидерский, молодой быстрый Марко Згода и всегда спокойный Астахов—члены комитета красной гвардии.

Вот уже на дворе, покрывая шум моторов, звучит мощный голос Чижикова:

— Быть готовым! Через полчаса выступаем. Всех посторонних удалить. Оцепить весь квартал..

Молча выстраиваемся. Вышли. Спускаемся в порт. Ночь.

Тревожно, не переставая, гудит заводский гудок РОПИТ'а.

Вспышка... пушечный выстрел. И так три раза. Стреляет „Синоп", подавая сигнал к погрузке.

Грузимся у практического мола на транспорт „Иерусалим". Вкатываем по сходням бочонки с сибирским маслом, грузим ящики с патронами, винтовки.

На легковом автомобиле под'ехал член судового комитета „Алмаза" — Черников. Выскочил. Весь в грязи,—с фронта. Сообщил:

— Немцы заняли станцию Малую Заставу. Наши последние части будут в порту часа через два... – Много наших легло...

Вскипаем. Загораются глаза... Сжимаются зубы... Обступаем Черникова.

— Как там сотня Попова?

— Человек пятнадцать осталось...

— Жив Стародубенко?..

— Ну, этот-то хромоногий жив, не берет его пуля...

Каждый спрашивает о своих заводских друзьях, родных по станку, по работе, по борьбе...

Прорезывается полоска рассвета. Наши части подходят, под'езжают на грузовиках человек по сорок...

В матроском кубрике душно, накурено. Пьем чай.

Красногвардейцы разместились в трюмах. Транспорт большой, трюмы приспособлены под человеческую кладь, устроены нары...

— Убрать сходни!..

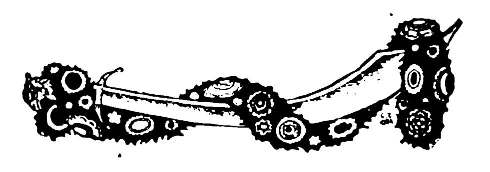
— Отдать концы!..

Ручка машинного телеграфа совершив полный оборот по полуокружности, дернулась назад и остановилась на „малом".

Медленно, как бы нехотя, пошли, прорезывая носом сонную гладь бухты, и, пройдя Воронцовский маяк, дали „полный-вперед".

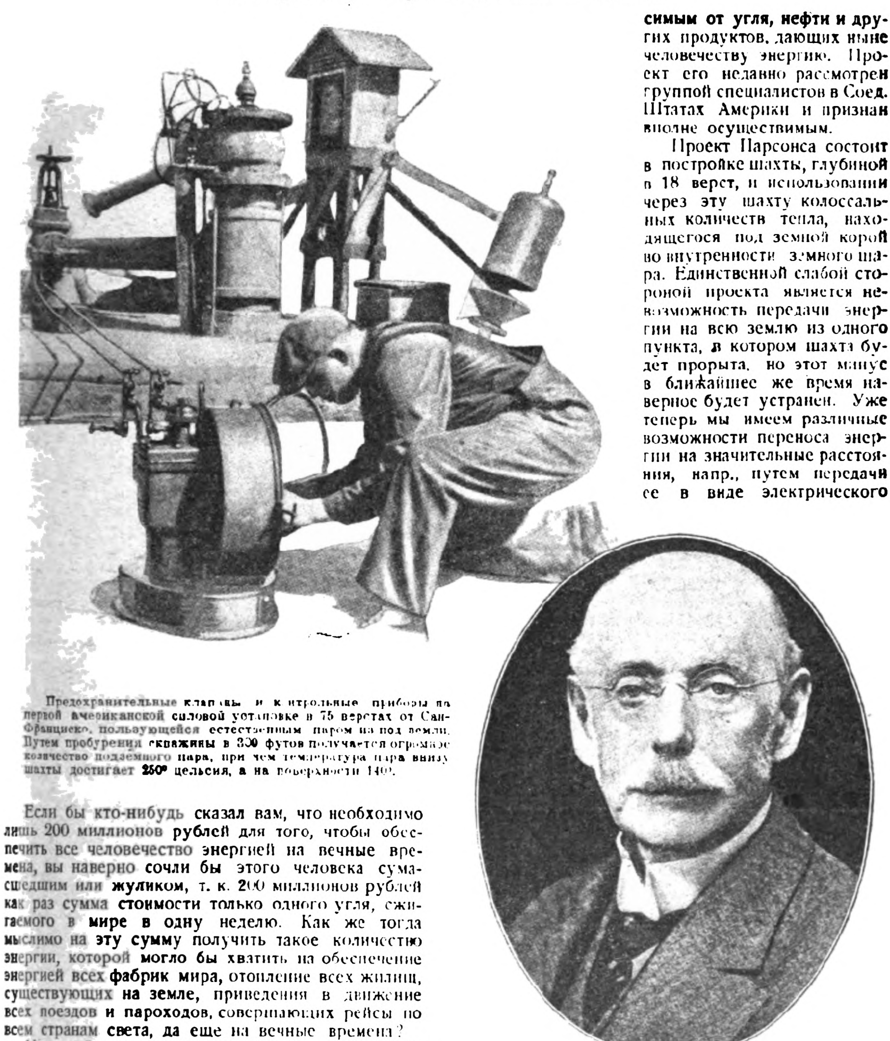
Так 14-го марта 1918 года мы оставили Одессу, с тем, чтобы через год снова вернуться туда.

А. П. Александров.

Неисчерпаемый источник энергии

На глубине 18 верст под нашими ногами.

Предохранительные клапаны и контрольные приборы на первой американской силовой установке в 75 верстах от Сан-Франциско, пользующейся естественным паром из под земли. Путем пробурения скважины в 300 футов получается огромное количество подземного пара, при чем температура пара внизу шахты достигает 250° цельсия, а на поверхности 140°.

Чарльз Парсонс, английский ученый и создатель паровой турбины, который утверждает, что мировая проблема получения энергии и тепла может быть разрешена постройкой 18 верстной шахты и использованием через нее тепла внутренности земного шара.

Если бы кто-нибудь сказал вам, что необходимо лишь 200 миллионов рублей для того, чтобы обеспечить все человечество энергией на вечные времена, вы наверно сочли бы этого человека сумасшедшим или жуликом, т. к. 200 миллионов рублей как раз сумма стоимости только одного угля, сжигаемого в мире в одну неделю. Как же тогда мыслимо на эту сумму получить такое количество энергии, которой могло бы хватить на обеспечение энергией всех фабрик мира, отопление всех жилищ, существующих на земле, приведения в движение всех поездов и пароходов, совершающих рейсы по всем странам света, да еще на вечные времена?

Но такой человек все же нашелся. Он один из самых выдающихся инженеров и ученых мира; имя его Чарльз Парсонс; он англичанин и изобретатель всемирно распространенной теперь паровой турбины.

Парсонс выдвинул проект такого сооружения, которое сделает человечество совершенно независимым от угля, нефти и других продуктов, дающих ныне человечеству энергию. Проект его недавно рассмотрен группой специалистов в Соед. Штатах Америки и признан вполне осуществимым.

Проект Парсонса состоит в постройке шахты, глубиной в 18 верст, и использовании через эту шахту колоссальных количеств тепла, находящегося под земной корой во внутренности земного шара. Единственной слабой стороной проекта является невозможность передачи энергии на всю землю из одного пункта, в котором шахта будет прорыта, но этот минус в ближайшее же время наверное будет устранен. Уже теперь мы имеем различные возможности переноса энергии на значительные расстояния, напр., путем передачи ее в виде электрического

тока по проводам. Несомненно, что в самом недалеком будущем появятся усовершенствованные электрические генераторы, более мощные аккумуляторы, новые способы передачи энергии на расстояние и даже радио-передача энергии.

Получив в свое распоряжение колоссальный источник энергии, находящейся в недрах земли. человечество сумеет найти пути к его эксплуатации.

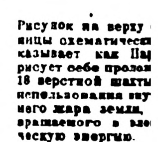
Почти 20 лет назад Парсонс обратил внимание науки на возможность утилизировать теплоту земного шара. В то время его заявление было встречено как интересная утопия, но и только. Но 20 лет—период огромный для науки, и за это время не только Парсонс, но и многое другие ученые приступили к изучению этого вопроса. Ныне Парсонс выступил уже с совершенно законченным проектом с доказанной возможностью провести его на практике с технической точки зрения и заявляет, что единственным препятствием к его осуществлению является отсутствие необходимых 200 миллионов рублей.

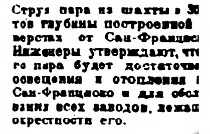
Подробности проекта состоят в следующем. Шахта будет иметь диаметр в 20 футов и будет вся выложена гранитом, т. к. согласно опытным данным это предохранит шахту от обрушивания. Шахта не должна быть непременно прямой трубой, идущей вглубь земли на 18 верст, она будет опускаться уступами так, как устраиваются шахты в глубоких рудниках.

При постройке шахты на первые 3 версты будут достаточны обыкновенные технические приемы. Далее страшная жара и колоссальное давление, которые будут действовать на механизмы, употребляемые для подачи материалов с поверхности и на поверхность земли, потребуют применения новых, особых методов работы. Необходимо будет применять выкачивание горячего воздуха, применять холодильники для понижения температуры, дабы от жары не расплавлялись буровые и другие приборы. Некоторое время необходимо будет вести шахту с небольшим уклоном и даже горизонтально, дабы предотвратить опасность разрыва тросов и канатов от собственной их тяжести.

Мы не знаем, что находится в центре земли, говорит Парсонс, но мы должны узнать это, т. к. исследование этой области нашей планеты гораздо важнее для человечества, чем хотя бы исследование северного и южного полюса. Так много возможностей, быть может, лежит у нас под ногами. Помимо разрешения навсегда проблемы получения энергии, весьма возможно, что попутно будут обнаружены новые химические элементы и соединения, которые могут найти себе применение.

18 верст—расстояние очень незначительное, но буровые машины, врезывающиеся вглубь земли, потребуют по крайней мере полстолетия, прежде чем проникнут на эту глубину.

Рисунок на верху
ницы схематически
казывает как Па
рисует себе прокл
18 верстной шахты
использования вну
него жара земли,
вращаемого в эле
ческую энергию.

Струя пара из шахты в 30
тов глубины построенной
верстах от Сан-Франци
Инженеры утверждают, что
го пара будет достаточно
освещения и отопления
Сан-Франциско и для обсл
вания всех заводов, лежащ
окрестности его.

Все эти затруднения наводят на мысль, не является ли весь проект все же просто фантазией?

Мнения выдающихся инженеров говорят противное. В Соед. Штатах начата даже работа группы геологов, производящих бурение в кратере вулкана Килауэа на Гавайских островах, с целью изучения перемен температуры по мере удаления от поверхности земли и практического выяснения способов использования высокой температуры внутренности земного шара.

В Италии уже пользуются парой кипящих источников вулканических областей, используя его для разных практических целей.

Совсем недавно в Калифорнии в 75 милях от Сан-Франциско проведена буровая скважина на глубину 300 футов для использования большого запаса естественного пара, скопляющегося на этой глубине под влиянием вулканической деятельности. Оборудование этого предприятия заканчивается, и инженеры, работающие на этой постройке, утверждают, что энергии их естественного парового котла будет хватать для освещения и отопления всего Сан-Франциско и для производства работ на всех фабриках, лежащих в окрестностях.

Какую же пользу принесет для человечества проект Парсонса, если он будет осуществлен? Достаточно сказать, что каждый человек тратит половину своего заработка именно на тепловую энергию. Наша одежда производится машинами, приводимыми в движение паром, т.-е. тепловой энергией; нашу пищу мы готовим на дровах, т.-е. превращая дрова в ту же тепловую энергию; передвигаемся мы на поездах, пароходах, автомобилях, приводимых в движение тепловой энергией; даже покупая фунт хлеба, мы часть денег платим не за хлеб, а за тепловую энергию, ушедшую на перевозку зерна и на выпечку хлеба.

Нет предмета, в стоимость которого не входила бы стоимость тепловой энергии.

Добыча двух главных источников тепловой энергии, угля и нефти, стоит очень дорого; к тому же мировые запасы их все время истощаются и в конце концов иссякнут. Благодаря этому ясно, какое огромное значение имеет проведение в исполнение проекта Парсонса. Энергия, которую получит человечество при осуществлении его проекта будет обходиться значительно дешевле, чем при получении ее современным путем. В то же время человечество освободится от зависимости от наличия нефти и угля на нашей планете и будущие поколения будут обеспечены тепловой энергией на вечные времена.

А. Леонтьев. Начатки политэкономии. Изд-во „Рабочий Донбасса". 1925 г., стр. 156. Цена 80 к.

Политическая экономия — наука о законах развития капиталистического хозяйства. В переживаемый нами переходный период, имеющий целый ряд своеобразных черт, многие законы политической экономии сохранили силу. Поэтому, поскольку каждый рабочий должен являться сознательным творцом будущего общества, должен быть знаком с этими законами, чтобы сознательно влиять на развитие экономической жизни страны, чтобы все больше и больше исключать момент стихийности.

Книжка тов. Леонтьева может служить первой книжкой по политэкономии. Это, пожалуй, одна из наиболее популярных книг по этому вопросу. Она рассчитана на начинающих рабфаковцев, совпартшкольцев и начинающих заниматься самообразованием по общественным вопросам. И этому поставленному заданию она удовлетворяет.

Положительной стороной книги служит популярность изложения и доведение изложения до сегодняшнего дня — до „плана Дауэса" включительно.

Но имеется ряд и отрицательных черт, которые необходимо в следующих изданиях устранить. Надо полнее, рельефнее показать общественную сторону цены и стоимости (Леонтьев называет „ценность"), рассказавши и о товарном фетишизме. Говоря о двух путях к увеличению барыша капиталиста, не мешает назвать эти пути — абсолютная и относительная прибавочная ценность.

О ренте тов. Леонтьев говорит только вскользь в отделе о „распределении прибавочной ценности". Следовало бы этот вопрос выделить в отдельную, особую главу, значительно расширив его, захватив таким образом аграрный вопрос в рамках капиталистического общества.

Отдел об империализме необходимо дополнить главой об „ультраимпериализме", т.-е. о возможности „врастания" социализма, о возможности разрешения противоречий капитализма путем реформ без революций.

Тов. Леонтьев примеры для иллюстрации законов капиталистического общества берет только из жизни Донбаса. Следовало бы давать иллюстрации более разнообразные. Это сделало бы книгу много интереснее. Наконец, самую форму изложения надо сделать более серьезной. Применяемый в некоторых местах разговор с комсомольцем совершенно неудачен. На стр. 62, например, комсомолец представлен совсем неразвитым парнем. Может быть, автору это надо было, чтоб сказать то, что ему надо, но поклеп взводить на комсомольца не следует.

Но все-таки, несмотря на перечисленные недостатки, „Начатки политэкономии" тов. Леонтьева можно рекомендовать как первую книжку по политэкономии.

Петр Орешин. С гуся вода. Рассказы. Гиз. Москва, 1925 г., стр. 111. Цена 22 к.

Рассказы (1919 — 1923 г.г.), собранные в этой книжке, не в пример символистскому характеру других прозаических вещей Орешина, отличаются простотой и приноровлены для рядового крестьянина и рабочего. Почти все рассказы посвящены борьбе со старым бытом в деревне и городе. Мы найдем здесь советского учителя или агитатора в деревне, самогонные дела, деревенский „бабий бунт", беспартийного рабочего, терзающего вопросом: „кстить аль не кстить" новорожденного и т. п.

Написано все это занимательно и бойко, хотя несколько упрощенно и сусально: — новый быт неизменно торжествует.

Все же, если принять во внимание скудность популярной беллетристики, нужно признать этот сборничек в общем несомненно хорошей и полезной книжкой.

Дружинин.

Иван Рахилло. „Сын улицы". Рассказы. Изд. „Новая Москва". 1925. Стр. 62. Ц. 20 к.

В небольших рассказах из жизни молодежи автор вскрывает психологические пружины, которые толкают молодежь к комсомолу. По рассказам И. Рахилло, все здоровое, сильное и задорное в молодежи, почему-либо стесненное и обиженное старым строем и старым бытом как-то стихийно-неизбежно, даже бессознательно идет в комсомол.

В этом отношении особенно интересен рассказ „Следы волчонка", где таким комсомольцем в потенции оказывается сын деревенского попа, изувеченный под пьяную руку отцом и затравленный ребятишками.

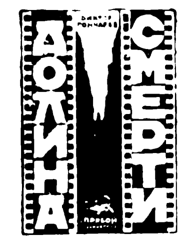
Язык рассказов меткий и образный. Впрочем, образность местами перегружает изложение, благодаря чему книжка может оказаться трудноватой для малоподготовленного читателя.

Др.

Ответственный редактор: **Мих. Коваленко.**

Адрес редакции: Ленинград, проспект 25 Октября, № 1.

Ленинградский Гублит № 12182. Тираж 25000—4 л. Зак. 1042. Тип. Раб Изд „Прибой" им. Евг. Соколовой. Пр. Кр. Командн., 29

ДОЛИНА
СМЕРТИ

Цена 30 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: просп. 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки". Телеф. 5-45-77

Москва: Московское отд. изд-ва „ПРИБОЙ", Лубянский пассаж, №№ 47, 48, 49. Телеф. 2-24-09